

– Привет, меня зовут Лон.
Я вам нравлюсь?

Проект TRUESTORY. Вокруг
планеты за 80 книг (Эксмо)

Джулия Мансанарес

**Привет, меня зовут Лон. Я
вам нравлюсь? Реальная
история девушки из Таиланда**

«ЭКСМО»

2012

УДК 929(593)
ББК 84(5Таи)-44

Мансанарес Д.

Привет, меня зовут Лон. Я вам нравлюсь? Реальная история девушки из Таиланда / Д. Мансанарес — «Эксмо», 2012 — (Проект TRUESTORY. Вокруг планеты за 80 книг (Эксмо))

ISBN 978-974-8418-01-8

Таиланд – страна улыбок и дешевой любви. Секс-туристы со всего мира приезжают сюда в поисках самых юных и незащищенных. Но никто не задумывается, что происходит по ту сторону удовольствия. Мать отправила меня в Бангкок, когда мне было всего 13. Я должна была заработать денег, чтобы вытащить семью из нищеты. В 14 я продала свою девственность, и начала торговать телом. Меня зовут Лон. И это моя история. Книга также выходила под названием «Всего лишь 13. Подлинная история Лон».

УДК 929(593)
ББК 84(5Таи)-44

ISBN 978-974-8418-01-8

© Мансанарес Д., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Отзывы о книге	6
Предисловие	8
Введение	9
I. Таиланд и моя исанская деревня	15
II. Бангкок – мой новый дом	27
III. Исанские семейные ценности. Неравные условия	39
IV. Деревенская жизнь	43
V. Образование: только для мальчиков – девочек просят не беспокоиться	50
VI. Туризм и секс-туризм	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58
Примечания	

Джулия Мансанарес, Дерек Кент Привет, меня зовут Лон. Я вам нравлюсь? Реальная история девушки из Таиланда

Julia Manzanares and Derek Kent
The true story of Lon. Only 13

Text and photos copyright
© 2012 Julia Manzanares and Derek Kent

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Она была ребенком, которому не хватало родительской заботы, и стала игрушкой для тысяч секс-туристов, приезжающих в Таиланд в поисках самых юных и незащищенных.

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

...Это захватывающий рассказ о девочке, которая сбежала из своего дома в Исане в возрасте тринадцати лет, чтобы найти работу в Бангкоке. Искренне надеюсь, что ее история поможет привлечь внимание к положению малоимущих тайских женщин.

Курт Хек, GoodwillBangkok

Она говорит сильным и уверенным голосом, обличая несправедливость, от которой страдают многие девушки.

Дэвид Рейд, geocities.com

...Насколько мне известно, это первая книга, в которой показано отношение местных (тайских) проституток к своей профессии вообще и к секс-туризму в частности.

Бернард Тринк, Bangkok Post

...Это лучшая книга о Таиланде из всех, что я прочитал... лучшая в своем жанре... вероятно, даже лучшее из всего, что будет написано на эту тему. Я нахожу этот социальный комментарий не только сбалансированным и точным, но и достоверным, поскольку в нем выражено личное мнение Лон. Отличная книга.

www.thaivisa.com

Часть прибыли от продажи этой книги будет пожертвована организациям, оказывающим поддержку девушкам, которые рискуют стать жертвами секс-туризма и торговли людьми или уже вовлечены в эту индустрию.

Эксплуатация женщин и детей – хроническая проблема тайского общества. «Низшие» всегда будут жертвами «высших». Наш общий долг – не закрывать глаза, а предотвращать дискриминацию, физическое насилие и любые злоупотребления в отношении «слабых» – детей и женщин, которые занимают в тайском обществе уязвимое положение.

Павина Хонгсакул
Ravena Foundation

Павина – моя героиня.

Лон

Посвящение

Эта книга посвящается двум моим сестрам, Йинг и Саи, которые, в отличие от меня, никогда не встречались с секс-туристами, и моему отцу, единственному человеку, который по-настоящему любил меня.

Предисловие

В этой книге я расскажу свою историю, похожую на истории десятков тысяч женщин и детей из Таиланда. Я покажу вам свою страну, объясню простоту тайской экономики и сложную природу тайско-исанской культуры, пропитанной традициями и нищетой. Эти условия повлияли на мою жизнь и продолжают влиять на жизнь каждой бедной молодой женщины в Таиланде. Я расскажу, почему так происходит и почему, как мне кажется, этому не будет конца. Мы вместе проделаем путь от нищей деревни, где я родилась, до района «красных фонарей» в Таиланде и моих попыток начать новую жизнь в Европе, откуда я и веду свой рассказ.

В этой истории мало красивого. Моя страна – «страна улыбок» – играет печальную роль в увеличении человеческих несчастий и незаконной торговли людьми. Она поставляет сексуальных невольников и детей для рабской эксплуатации. Паттайя, Пхукет и Чиангмай – рай для педофилов. Я буду часто использовать слово «трагический». Невозможно другими словами описать страдания, которые мы испытываем только потому, что имели несчастье родиться женщинами в нищих семьях в стране «третьего мира». Всегда найдутся те, кто пользуется своим богатством, общественным положением или силой в ущерб бедным и обездоленным. Такова правда о моей стране, где большинство молодых женщин родом из Исана никогда не смогут выиграть – ибо карты подтасованы не в нашу пользу – из-за нашего происхождения и политики правительства.

Я думала, что после десяти лет страданий обманула свою судьбу, покинув Таиланд. Но вскоре мне стало ясно, что ни другая страна, ни брак с англичанином не изменят моей жизни. Эта перемена должна была произойти изнутри. Я хотела стать примером для других, показать молодым женщинам, что они тоже могут все изменить, просто время для этого еще не настало. Впереди меня ждали мучения, которые я даже не могла себе вообразить. Тогда я поняла: чтобы победить в этой игре жизни, мы должны понять свою ценность и способность приносить благо обществу. Вопреки всему, я была полна решимости стать одной из победительниц и обрести счастье!

Лон

*Исанские девушки бедны,
а туристы богаты,
я была мостом через эту пропасть!*

Введение

Фамильное древо Бунтах

Дед

Деда по материнской линии звали Бунтах. Он родился в Чиангмае, крупнейшем городе Северного Таиланда, в семье выходцев из среднего класса. Его родители владели обширным участком земли и большим стадом буйволов. В семье было много детей от нескольких жен. Когда наследство поделили между всеми отпрысками, каждому достались крохи.

Получив свою долю, дед Бунтах перебрался в Убон и женился на бедной неграмотной женщине, которой предстояло стать бабкой Бунтах. У них родилось девять детей. На их содержание ушли все скудные средства отца семейства. Хотя деда Бунтаха нельзя было назвать совсем необразованным человеком: **почти всю сознательную жизнь он провел в своей комнате, беседуя с богами народа каренов.**

Бабка

Об этой женщине мало что известно, кроме того, что она была злобной каргой. Она не упускала возможности разными способами досаждала своим внукам и лишала их шанса на счастье, особенно это касалось Бунтах.

Мать: Бутсах

Бутсах видела мало любви – ее детство прошло в доме, где никто никого не любил. Когда она родилась, ее отец уже стал бедняком: ни имущества, ни сбережений, ни сердечной привязанности. Она была старшей. В тайской традиции на старшей дочери лежит обязанность заботиться о младших детях, а когда родители начинают стареть, то и о них. В пятнадцать лет Бутсах вышла замуж за Сомпхана, которого едва знала и – что еще хуже – не любила. Она рано стала матерью и одновременно растила дочь сестры – свою племянницу Саи.

Отец: Сомпхан

Ответственный, добрый и ласковый человек, он был единственным, кто понимал свою старшую дочь и заботился о ней. Он брался за любую, самую трудную работу, как бы далеко ни приходилось ради нее уезжать, чтобы поддерживать свою семью. Когда Сомпхан работал в Бангкоке, он часто писал письма своей дочери Бунтах.

Дядя: Сакда

Младший сын бабки. Когда Бунтах было одиннадцать лет, Сакда узнал, что она обкрадывает своего брата, и начал бить ее палкой. Каждый раз после побоев Бунтах хотелось бежать в Бангкок и отыскать там отца.

Сестры и брат

Сестры Бунтах, «двойняшки» Улах (Йинг) и Лампун (Саи/Джой), были на четыре года младше нее. Брат Банья был на два года ее старше.

Йинг

По-тайски «йинг» означает «госпожа». В тайском языке нет более амбициозного имени. Йинг была очень тщеславным ребенком и уже в шестилетнем возрасте боялась располнеть. Она подолгу танцевала в ванной комнате. Возможно, талант к танцам был семейной

чертой, потому что со временем и Бунтах стала танцовщицей. Саи и Бунтах часто незаметно подкрадывались к Йинг, чтобы смотреть, как она танцует.

Йинг хотела, чтобы у нее были длинные красивые локоны. Она оборачивала свои коротко стриженные волосы полотенцем, чтобы они казались длиннее, и представляла себя принцессой. Играм на улице она предпочитала чтение книг. Животных Йинг никогда не любила: на ее взгляд, они были слишком грязными. Сама мысль о том, чтобы к ним прикоснуться, вызывала в ней отвращение.

В раннем детстве Йинг редко разговаривала. Когда она открывала рот, все смеялись над ней. Ее сестра-«близняшка» Саи была болтушкой, и это злило Йинг. Главным ее недостатком была вспыльчивость – она проявлялась всякий раз, когда Йинг не удавалось настоять на своем. Впрочем, эта черта, похоже, была присуща всей семье. Во время совместных игр Йинг всегда брала себе роль принцессы. Она отказывалась быть отрицательным персонажем – эта роль доставалась Саи. В то время Йинг еще ни разу не была в кино, но прочитанные сказки оказали на нее не меньшее влияние. В тайском фольклоре и мифах есть и светлые, и темные персонажи – они же встречаются в реальности в каждой деревне, а то и в каждой семье.

Йинг писалась в постель до шести лет, и мать колотила ее за это палкой. Йинг очень хотела учиться и в пять лет пошла в школу вместе с сестрой.

Йинг отличалась не только врожденным талантом танцовщицы, но и редкой для ее возраста грацией и осанкой. Бунтах учила сестру петь, и Йинг схватывала все на лету. Она пела на деревенских праздниках и получала плату едой и сладостями. Она обожала носить юбки и таскала у матери и бабки любые вещи, которые выглядели чуть лучше, чем ее простая и изрядно поношенная одежда. В отличие от Саи, она обожала играть в куклы и очень не любила спортивные игры, кроме бега и волейбола. Единственная из сестер, Йинг не уходила спать, не выпросив на ночь поцелуя.

В школе Йинг получала награды за письмо, рисование, бег, волейбол, пение и тайские народные танцы. Учителя ценили ее таланты, достижения, активное участие в жизни класса и на внеклассных занятиях. Она хорошо училась и была гордостью семьи, не то что Бунтах и Саи.

Как и ее старшая сестра, Йинг любила отца сильнее, чем мать, и всегда носила с собой его фотографию. Когда отец возвращался из Бангкока, он торговал в деревне сладостями с тележки. По вечерам Йинг напрашивалась с ним – якобы чтобы помочь. Но он знал, что на самом деле ей просто хотелось сладкого. Йинг была вежливой девочкой, любой подарок отца она встречала словами «удивительно» и «прекрасно» – хотя не всегда это было искренне. Ее поведение резко отличалось от манер сестер.

Саи (Джой)

Биологической матерью Саи была родная сестра Бутсах. Мать оставила девочку на пороге Бутсах, когда ребенку исполнилось всего три месяца. Поскольку она была на три месяца младше Йинг, девочек воспитывали как близнецов. **Через год мать Саи вернулась и попыталась убить ее.** К счастью, Бутсах вошла в комнату вовремя и смогла остановить сестру. Почему женщина решилась на такой ужасный поступок, неизвестно.

Саи была общительной девочкой: она постоянно болтала и умолкала только для того, чтобы перевести дух. С Йинг они были не похожи, как небо и земля. Саи росла сорванцом. Она больше любила играть с мальчишками, ловить лягушек, рыбу, креветок и пресноводных крабов. Ей нравилась борьба кунг-фу и игры с мячом. Она научилась плавать и ездить на мотоцикле раньше Йинг. В Саи был очень силен состязательный дух, и она получала большое удовольствие, опережая брата и сестер в спортивных играх. К учебе она была равнодушна, гораздо больше любила повеселиться. Она часто сердилась, что все девять членов семьи жили в одной комнате, – обычная ситуация в бедной деревне. Саи отчаянно хотелось

иметь собственную комнату, но это было неосуществимой мечтой в их тогдашних обстоятельствах.

Соседская девочка (слева) вместе с Саи в шестилетнем возрасте и Бунтах, 10 лет.

Когда Саи немного подросла, она начала вместе с Бунтах ходить к насосу за водой. Бывало, по вечерам они пасли буйвола, иногда проходя до пяти километров в одну сторону – в зависимости от настроения буйвола.

Еще Саи была очень ревнивой. Она жаждала того же внимания, какое уделяли Банье в семье и Йинг в школе. Как и Бунтах, ей хотелось признания. Но ни одной из них в этом не повезло.

Когда Саи было десять лет, ее биологическая мать вернулась и захотела забрать дочь, но Бунтах отказалась отдать девочку. Она не могла доверить сестре заботу о ребенке, которого растила десять лет. Тогда-то Саи и ее сестры впервые узнали, что они не родные, а двоюродные. Мысль о том, что мать недостаточно любила ее и предпочла бросить, привела Саи в отчаяние. Ее прежде игривое детское поведение изменилось. Она стала колочей и дерзкой и в следующие десять лет часто совершала хулиганские и даже преступные выходки.

Банья

Хотя по-тайски Банья означает «мозг», это имя мало подходило брату Бунтах. Он никогда не испытывал желания помогать старшим по дому, если бабка не грозила ему палкой. Он не вредил Бунтах намеренно, зато она создавала ему массу проблем. Бунтах, Йинг и Саи всегда выступали против него единым фронтом.

Не случайно Банья упомянут последним в перечне родственников. Ему доставались те немногие излишества, которые могла позволить себе семья (когда она хоть что-то могла себе позволить), – и всегда это происходило за счет сестер. В тринадцать лет он получил в подарок от матери велосипед, в то время как девочки должны были ходить пешком. От него никогда не требовали делиться с сестрами, а его самого такая мысль не посещала. Имея

велосипед, он мог собирать фрукты с деревьев и лоз вдоль дороги, но ему ни разу не пришлось в голову принести что-нибудь домой.

Банья, как и Бунтах, любил водить на выпас буйвола, ловить лягушек, рыбачить и собирать чили на полях. Он не отличался прилежанием в учебе, зато рос счастливым ребенком. Когда ему исполнилось тринадцать лет, бабушка и дед захотели, чтобы он продолжил учебу в школе, но у него были другие планы. С трудом удалось уговорить Банью доучиться до восьмого класса. В пятнадцать лет Банья бросил школу и уехал в Чиангмай, где жили его дед и бабушка по отцовской линии. Он погостил у них несколько месяцев и познакомился там с девушкой из каренов. Ей было шестнадцать – на год больше, чем ему. Но даже после того как Банья женился, для матери его прихоти оставались на первом месте, важнее самых насущных нужд остальных членов семьи, включая образование дочерей.

Пес Бунтах

Пес «бунтах» был ее лучшим другом; он всегда защищал ее, когда она в страхе убегала от родственников. Однажды матери показалось, что собака взбесилась. Она слышала старое поверье – бешенство можно исцелить, отрезав животному ухо. Так мать и сделала. Этот поступок Бунтах не забыла и не простила.

Карта Таиланда. На карте выделено название моей провинции, Убон Ратчатхани.

I. Таиланд и моя исанская деревня

Где все началось

Бунтах родилась в нищей семье, в маленькой сонной деревушке на северо-востоке Таиланда, а точнее в Бан Йонежалум, Тамбун Нонгсанух, Ампхур Бунталик, в провинции Убон Ратчатхани. На Западе ее дом назвали бы не просто убогой, а первобытной хижиной. В нем почти ничего не было, кроме четырех стен, прогнившего пола и обветшалой крыши. В кровле зияли дыры: по ночам можно было любоваться звездами, а во время ливня ловить струйки воды. Эта деревянная однокомнатная хибара с покосившимися стенами едва могла служить убежищем от обжигающего солнца, удушающей знойной влажности и тропических ливней.

Обстановка состояла из давно отслужившей свой век ротанговой мебели и истрепанных подушек. Туалет был просто ямой, вырытой в земле позади дома и окруженной шершавыми дощатыми стенками. «Душ» заменяла лохань с ковшиком. В Бан Йонежалум были немощные дороги, неразвитая инфраструктура и примитивная школьная система. Не было мест, где дети могли бы играть и просто чувствовать себя детьми. Эта деревня ничем не отличалась от многих ей подобных в одной из беднейших сельских провинций Северо-Восточного Таиланда, больше известного под названием Исан.

Отчасти контрасты между Бан Йонежалум и остальной частью Таиланда объясняются тем, что территория Исана более засушливая, со скромной растительностью и скудными урожаями. Здесь бывает либо слишком много дождей, что приводит к наводнениям, либо слишком мало влаги, отчего случается засуха. Деревенские улицы тайского северо-запада часто окутаны завесой бурой пыли, а местные обитатели страдают от безжалостного зноя и тяжелой влажности тропиков. В то же время тайские деревни центрального региона страны разбросаны по цветущей местности, густо поросшей роскошной зеленью. Обласканная солнцем листва на верхушках деревьев отливает золотом, а нижние ветви, сияющие ослепительной изумрудной зеленью, пропитаны влагой летних дождей.

Похожий на старушку мясник разлегся, предаваясь долгой ленивой дремоте... ..Полуденный зной.

Исанский рынок. Торговцы укрываются от палящего солнца под дырявым навесом.

Мало что изменилось в Исане с тех пор, как больше двух десятилетий назад Бунтах открыла свои большие карие глаза с длинными шелковистыми ресницами, уронила первую слезинку и издала первый вздох. Десятилетние мальчишки по-прежнему гоняют на мотоциклах вдвое старше их самих, скрепленных ржавой проволокой и изолентой, с промасленными запчастями, снятыми с еще более древних мотоциклов. Их младшие братишки и сестренки сидят перед старшими или у них за спиной и цепляются за все, до чего могут дотянуться их ручонки. Слышен непрерывный гул мотоциклов, которые нередко перевозят целое семейство, по трое-четверо «всадников», с собакой в придачу, и выхлопные газы с ревом вылетают из глушителей. Еще один неизменный, но не такой громкий звук – пыхтение фермерского тук-тука, длинноносого четырехколесного транспортного средства с фургоном, прикрепленным над задними колесами. Бибиканье «железного буйвола» можно услышать на любой сельской дороге, большинство которых до сих пор остаются грунтовыми. Этот агрегат, заменяющий трактор и семейный автомобиль, служит для доставки риса и других продуктов с полей на рынок, а также для семейных поездок на отдых, когда с работой покончено.

В сельской местности по-прежнему можно увидеть смиренного буйвола, некогда бывшего самым ценным деревенским животным. Буйвол бредет вдоль шоссе, пощипывая высокую зеленую траву, заросли которой окружают раскинувшиеся чуть поодаль рисовые плантации. Он перестал быть частью большого стада и ныне трудится в одиночку. Это могучее животное сейчас заменила автоматика. Воздух пропитан запахом гари дизельного топлива и вонью, исходящей от фермерских животных.

Раннее детство Бунтах

В сельской местности Таиланда один из родителей (или даже оба) часто уезжает на заработки в крупные города, Бангкок или Чиангмай. Так повелось издавна и продолжается по сей день. Дети живут с родственниками, обычно с бабушкой. Так же поступили и родители Бунтах. Они переехали в Бангкок, а дети остались с бабкой и дедом по материнской линии в хижине с одной общей на всех комнатой.

У отца не было выбора: в их маленькой деревушке всегда не хватало работы, а долгов у него накопилось немало. Годом раньше, когда они занялись фермерством, им удалось вырастить хороший урожай арбузов. На следующий год отец занял денег на инсектициды и удобрения, чтобы расширить посевную площадь, но случился неурожай, и он потерял все. Из-за непредсказуемых погодных условий в этом регионе местные фермеры нередко остаются без урожая. В итоге им приходится влезать в долги, которые часто приводят к полному разорению.

Родители Бунтах жили и работали в Бангкоке большую часть ее детства, хотя порой отец уезжал на заработки в одиночку. Девочка не часто виделась с ним. Цены на транспорт и большое расстояние – 800 километров – позволяли ему возвращаться в деревню только по праздникам или при острой необходимости. Бунтах всегда чувствовала себя нежеланным ребенком, которого не любил никто, кроме отца, – и эти ее ощущения подтверждались побоями и оскорблениями со стороны родственников. Когда ей становилось особенно тоскливо, она писала отцу письма. Он был единственным человеком, с которым она могла поделиться своими чувствами; он один гордился ею и ее достижениями.

Почтенный тук-тук.

Однажды Сомпхан уехал в Бангкок один. Ему пришлось ночевать на скамейке у автовокзала Хуаломпонг, пока он не нашел работу. Через несколько дней его взяли на металлургический завод, расположенный недалеко от порта Сапхан Круенгтхеп. Но Сомпхан успел проработать всего пару дней – в результате несчастного случая он лишился пальца. Врачи в больнице не сумели бы пришить палец обратно, да Сомпхан и не мог позволить

себе расходов на операцию. Работодатель обещал, что ему возместят расходы за наложение швов и полностью выплатят заработок за пропущенный рабочий день. Но ни возмещения расходов, ни оплаты за проведенный в больнице день Сомпхан так и не увидел. Это обычная практика тайских работодателей; так было раньше, так все осталось и сейчас.

У Сомпхана не было выбора, и он продолжал работать на металлургическом заводе: он был очень беден, а семья отчаянно нуждалась в деньгах. Его горькая история не отличается от историй миллионов мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Некоторые уже в двенадцать лет уходят на заработки в поисках лучшей жизни, оставляя свои нищие семьи в деревнях. Бангкок притягивает больше рабочей силы из сельской местности, чем Чиангмай или туристические курорты, потому что там больше возможностей.

Сомпхан поддерживал связь с семьей только с помощью писем, поскольку в деревне не было телефона. Впрочем, у него все равно не было денег на звонки, как не было их на операцию по восстановлению пальца, даже если бы она оказалась возможной.

Отец Бунтах был добрым человеком, он очень любил свою семью и никогда не отказывался от работы. Когда он впервые уехал на заработки в Бангкок, Бунтах плакала так, что, казалось, ее маленькое сердечко вот-вот разорвется. Родилась ли она трудным ребенком, стала ли такой после бесконечных побоев? Но она определенно была нежеланной и нелюбимой в семье; ей первой, а порой и единственной, приходилось страдать от ударов длинной палки, когда что-то шло не так.

Работа начинается рано и не заканчивается никогда

Каждый день Бунтах просыпалась в пять часов утра под петушиный крик. Наверное, так же просыпаются и многие дети американских фермеров, но на этом сходство заканчивалось. В ее доме, стоявшем на сваях, был ветхий деревянный пол с дырами в половицах, сквозь которые девочка видела и слышала квохчущих кур. Вскоре после пробуждения Бунтах принималась за работу – еще до того, как начала ходить в школу.

Иногда они с дедом отправлялись на охоту в горы. Семья выращивала достаточно риса для себя и откармливала цыплят, чтобы немного разнообразить рацион. Еще у них был буйвол. Бунтах много работала, брат ей почти не помогал. В ее ежедневные обязанности входил уход за животными и небольшим клочком семейной земли. Как и у большинства детей в их провинции, игрушек у нее было мало. Да и времени на игры у Бунтах почти не оставалось; список домашних дел, которые ложились на ее узкие плечики, казался бесконечным.

Обычно по выходным Бунтах собирала хворост, бамбук и чили, а также пасла буйвола. Ее сестры были слишком малы, чтобы помогать ей, так что она делала это в одиночку. Порой Банья или Саи увязывались за ней, но Йинг – никогда: она избегала любой работы, которой можно запачкать руки. Единственное задание, которое всегда поручали Банье, – помочь Бунтах довести тачку с бочкой для воды до насоса и обратно. На пути к насосу Бунтах толкала тачку, а Банья ехал в ней. На обратном пути, когда бочка была наполнена, тачку толкал Банья, а Бунтах ехала. Однажды они разбили бочку, и бабка долго гонялась за ними с палкой.

Дети никогда не получали поблажек за эту изнурительную работу. Но когда старая бочка развалилась, всю вину свалили на них. **Самое суровое наказание всегда доставалось Бунтах.**

Вечные неприятности

Бунтах всегда до всего было дело. Возможно ли, чтобы что-то происходило без ее ведома?! Они с друзьями часто бегали к храму в надежде полакомиться манго и воровали плоды с деревьев – занятие, которое им никогда не надоедало. Поскольку Бунтах была самой ловкой, она влезала на дерево, а остальные стояли «на шухере», следя, не появятся ли монахи. Однажды она залезла на самую верхушку дерева и потянулась за соблазнительным

плодом, но тут из храма выбежал монах с палкой и прогнал ее друзей. К счастью, добытчицу он не заметил – она забралась слишком высоко. Она затаилась, и ее сердце с каждой секундой колотилось все сильнее.

Спустя пару минут монах вернулся в храм. Бунтах схватила свое несправедно добытое сокровище и помчалась домой. Она не собиралась уходить с пустыми руками, после того как ей пришлось рисковать своей жизнью и конечностями (а может быть, даже получить наказание) ради этих вкусных ярко-зеленых манго. На северо-востоке они считаются деликатесом, особенно если посыпать мякоть смесью из чили, соли и сахара.

В один из многочисленных одиноких и тоскливых дней Бунтах понесла отцовскую черепаху к монахам на благословение. Большинство деревенских жителей черепах не держали, еще реже их благословляли, но девочке это показалось хорошей идеей. Она взяла черепаху и радостно отправилась в храм на встречу с монахами. После благословения она опустила черепаху в ров, выкопанный вокруг храма, решив, что ей будет приятно поплавать в воде. Вернувшись, Бунтах увидела, что черепаха не шевелится – она была мертва. «Видимо, общение с монахами не пошло ей на пользу, – подумала девочка. – Или вода здесь такая грязная, что убила ее». Родственникам она ничего не сказала, и те решили, что черепаха просто уползла из дома и не вернулась.

Бунтах исполнилось шесть лет, когда она начала ходить в школу. В будние дни она проходила пешком около трех километров. После занятий она ненадолго задерживалась, чтобы поиграть с друзьями, а потом возвращалась домой. Детей из самых бедных семей – тех, кто жил в деревнях у грунтовых проселочных дорог, – школьные автобусы не развозили, даже если школа располагалась в семи-восьми километрах от деревни.

По пути домой, под ураганным тропическим ливнем или под палящим солнцем, Бунтах всегда срывала с дерева манго, банан или папайю для сестер; у семьи было слишком мало денег, чтобы покупать их в магазине. Малышки выбегали во двор и выкрикивали ее имя: «Бунтах! Бунтах!» – с нетерпением ожидая лакомства, в которое можно будет впиться зубами и взвизгивать от восторга, когда сок потечет из уголков крохотных ротиков.

Бунтах очень нравилось учиться, и она получала хорошие оценки, даже когда у нее начались неприятности. Однажды **учительница посоветовала ей не бросать учебу – она считала, что девочка далеко пойдет. Увы, у матери Бунтах на этот счет были другие соображения.** Только ее брату предстояло получить образование. Ей и сестрам такое счастье не светило, пока Бунтах не пошла работать. Она сделала это *не только ради того, чтобы обеспечить мать, но и чтобы заработать на обучение сестер.* Так устроены «исанские семейные ценности», которые по-прежнему живы во всех сельских провинциях Северо-Восточного Таиланда. Мальчики здесь всегда на первом месте, часто только они получают образование или подарки – как это было с велосипедом Банья. Девочкам нередко отказывают в любых «излишествах». Это факт жизни тайского общества, в особенности провинциального.

Бунтах было около восьми лет, когда она сказала матери, что ей нужна новая обувь: единственная имевшаяся у нее пара башмаков стала мала, в ней было полно дыр, и она натирала ноги. Мать ответила: «Меня это не касается». Семья находила деньги на обувь для сына, но дочери не приходилось рассчитывать на новые туфли. *Бунтах была тогда очень маленькой, чтобы понимать – она представляет собой не слишком большую ценность даже для собственной матери.*

Когда мальчишки в школе плохо обращались с кем-то из девочек, Бунтах била их и убегала со всех ног. Она всегда бросалась защищать слабых. Ее дерзость не помогла ей обзавестись подругами, хотя девочки всегда были рады, когда она лезла из-за них в драку. Учителя знали, что Бунтах – трудный ребенок, но не могли ни приструнить ее, ни помочь ей.

Бунтах едва исполнилось десять лет, когда оба родителя уехали на заработки в Бангкок. Она хорошо училась, но в отсутствие отца никто не мог защитить ее от издевательств других взрослых родственников. Ее юная жизнь, и без того тяжелая из-за нищеты, вскоре стала невыносимой. В результате в школе тоже начались проблемы.

Дядя колотил Бунтах за малейшую провинность. Родственники, похоже, получали удовольствие, избивая ее; палочные удары сыпались дождем. Но чем сильнее ее наказывали, тем больше она проявляла непокорность и нередко воровала и портила вещи Банье. Бунтах ужасно завидовала брату. Он первым и часто единственным получал игрушки, без которых немислимо нормальное детство.

Бунтах родилась с независимым характером, но в ее семье свободолюбию не было места. На самом деле не было там места и самой маленькой Бунтах, даже если она выполняла все, что от нее требовали. Разгневанная и отчаявшаяся, не умея справиться со своими чувствами, она набрасывалась на самую легкую мишень – дочку учительницы. Бунтах воровала у нее учебники, портила ее рисунки и при любой возможности мешала ее успехам. Ей хотелось, чтобы хоть одна живая душа ощутила ту же боль, какую испытывала она, разделила бы мучения, которые выпадали ей в жизни.

Учитель музыки

В одиннадцать лет Бунтах начала слушать, как поет и играет на гитаре Апичет, школьный учитель музыки. Каждый вечер в восемь часов Бунтах потихоньку исчезала из дома. Ее отлучек никто не замечал: родители работали в Бангкоке, бабка спала, а дед беседовал с богами каренов.

Апичет жил на нижнем этаже учительского общежития. Здание общежития было деревянным, с широкими щелями между досками, так что она могла разговаривать с ним и смотреть на него снаружи. Апичет опасался открывать ей дверь, зная, что люди начнут сплетничать. Но девочке очень нравилось слушать его пение и наблюдать за ним сквозь щели в досках. Так продолжалось несколько месяцев, а потом настал день, когда она не смогла сохранить свою тайну.

Как-то теплым ласковым вечером Бунтах позвала с собой подружку, чтобы та тоже послушала нежные мелодии Апичета. На следующий день подружка разболтала об этом всей школе. Когда слух о вечерних встречах дошел до директора, Бунтах исключили из школы. Апичета то ли уволили, то ли перевели в другое место; Бунтах так и не узнала, что с ним случилось, и больше никогда не слышала его пения. Кто-то из деревенских жителей придумал, что у учителя с ученицей была сексуальная связь. Никто не задавал ему вопросов, не было никакого суда. Учителя просто выгнали. Невежество и узость мышления характерны для необразованных жителей сельского Таиланда.

Сразу же после увольнения Апичета Бунтах пришла к ветхому дому, где он жил. Она заглянула в щель между досками и увидела, что он играет в карты и пьет вместе с остальными учителями. Больше она никогда его не встречала.

Половина учителей в школе, где училась Бунтах, считали, что проблема в девочке, а другая половина обвиняла Апичета. Никому не приходило в голову, что их «свидания» были совершенно невинными – девочке с артистическими наклонностями просто хотелось послушать чудесный голос учителя. Даже если у кого-то и появлялась такая мысль, никто не рисковал высказать ее вслух из опасения быть осмеянным. Почти все верили, что Бунтах – скверная девчонка, обреченная на грешную жизнь. Она была из тех, кому в собственной деревне достается клеймо «ведьмы» – это популярная тема в тайском кино. **Когда Бунтах заходила в магазин, хозяин и покупатели кричали: «Тебе всего одиннадцать, а ты уже ищешь парня для секса! Маленькая шлюха!»**

Бунтах лишилась своих немногочисленных подружек, потому что родители велели им держаться от нее подальше. Деревенские жители могут быть очень злыми; их жестокость происходит от невежества и суеверий. До сих пор в ночных кошмарах Бунтах чудятся их обидные крики. Но когда она, закрыв глаза, позволяет мыслям уплыть к одному из самых сладких воспоминаний своего детства, то слышит прекрасный голос Апичета. Она вспоминает, как смотрела на него сквозь щели в растрескавшихся досках, как он нежно напевал мягкие тайские мелодии и тихонько перебирал гитарные струны.

Исключение из школы

Когда Бунтах исключили из школы, у ее деда, наконец, лопнуло терпение. Он написал ее родителям в Бангкок, что устал от ее выходов и больше не хочет нести за нее ответственность.

Отец знал, что родственники – все до одного – плохо с ней обращаются. Он знал также, что только он может защитить ее. Сомпхан организовал переезд дочери в Бангкок, где они с женой работали. Бунтах успела прожить с родителями всего несколько месяцев, когда произошло событие, поначалу обещающее крутой поворот в ее жизни. Наконец она получила шанс хоть немного побыть «маленькой девочкой»! Директор школы, в которой она училась, согласился снова принять ее в класс. Бунтах вернулась в свою деревню и пошла в школу, где стала учиться танцам, – это и определило ее будущее.

Возвращение в школу

Бунтах вернулась в Убон и начала выступать вместе с другими девочками в соседних деревнях. Она зарабатывала от тридцати до пятидесяти бат за пару часов представления, работая по два-три раза в неделю. Это были большие деньги для одиннадцатилетнего ребенка, и она делилась ими с сестрами. Она была очень рада, что может работать и содержать себя, хотя этот период продлился недолго. Она даже научила Йинг традиционному тайскому танцу «лук тунг». Бабка не одобряла танцевальной деятельности Бунтах, потому что девочка надевала очень короткую юбочку и выступала на сцене – и то и другое в сельском Таиланде вызывает порицание.

Примерно в это же время в их деревню провели электричество и водопровод. Дед решил, что эти чудесные устройства посланы духами – как иначе они могли попасть в их бедную, богом забытую деревню? Хотя бабке очень нравилось, что теперь у нее были эти удобства, она не вполне осознавала их ценность. В конце концов она запретила слушать в доме музыку, утверждая, что это пустая трата электричества. Девочки учились танцевать в тишине.

Существует музыкальный фильм, в основу которого легла похожая история: 14-летняя девочка выступает с танцами в местных шоу. Учитель-ретроград постоянно ругает ее за недостойное поведение, пока, наконец, не соглашается, что ее танцы и наряды не нарушают принятых норм. Увы, четырнадцать лет назад Бунтах не так повезло.

В десять лет Бунтах нарисовала «дом счастья», который ей всегда хотелось иметь.

Вскоре Бунтах договорилась с бабкой: если ей нельзя зарабатывать деньги танцами, она будет заниматься уборкой в городе Дет Удом. Дет Удом находился в двадцати минутах езды на тряском старом грузовичке-пикапе. Бунтах также захотела ходить в среднюю школу в этом городе. Теперь она могла самостоятельно оплачивать нелегальные взносы, которые собирали с родителей учеников в общественной школе. Но в итоге бабка решила, что девочке незачем ходить в школу, и работать в Дет Удом тоже запретила.

Бунтах была растеряна и возмущена. Она не могла понять, почему бабка так враждебно воспринимает все, что могло бы принести ей деньги, образование, независимость и главное – счастье. И в самом деле: сначала ее исключили из школы, а дед отослал ее прочь из дома. Когда же она вернулась в школу, бабка не позволила ей танцевать вместе с другими девочками, чтобы зарабатывать деньги. Потом запретила ей работать и посещать школу, хотя Бунтах могла оплачивать свою учебу сама. **Жизнь с бабкой была для Бунтах невыносимой: она была заключенной, а бабка – тюремщицей.** И Бунтах сделала то, что сделал бы почти каждый человек, если бы его бросили в тюрьму, – она сбежала.

Побег

В возрасте одиннадцати лет Бунтах впервые ушла из дома и пустилась в 800-километровый путь, в столицу Таиланда Бангкок. По дороге она познакомилась с 17-летней девушкой по имени Лонг, и та предупредила ее об опасностях, подстерегающих маленьких беглянок вдали от дома. Лонг привела новую знакомую к себе домой. Но через три дня Бунтах увидела, как мать Лонг разговаривает с ее родственниками. Они забрали Бунтах домой. Как и следовало ожидать, по возвращении дядя Сакда основательно поколотил ее. Бунтах отказалась с кем бы то ни было разговаривать и ходить в школу. Единственное, что она делала, – писала отцу письма.

К тому времени когда Бунтах согласилась вернуться в школу, она превратилась в настоящую хулиганку, проблемного ребенка, переполненного неукротимой яростью и обжигаю-

щей болью, причины которой она не понимала. В школе ее никто не любил – ни сверстники, ни учителя. Однажды учитель пришел к ним домой и сказал деду, что девочка больше не может посещать занятия: она – трудный подросток, который мешает всем. И Бунтах снова исключили!

Второй побег

Бунтах было одиннадцать, когда она бежала в Чиангмай, город в Северном Таиланде. У нее были деньги, которые она скопила, работая танцовщицей и уборщицей, но их едва хватало на то, чтобы убраться подальше от родственников. Оказавшись в Чиангмае, она увидела объявление: требовалась официантка. Бунтах встретила с владельцем ресторана; тот увидел, что она очень юна и явно приехала одна. Вместо того чтобы дать ей работу, он вызвал правительственного чиновника, чтобы тот забрал ее. Чиновник прибыл в ресторан в сопровождении двух полицейских. Они задали Бунтах множество вопросов, но она не назвала своего настоящего имени и ничего не рассказала о своем доме. Они также хотели выяснить, что у нее в сумке, но она отказалась от досмотра. После 20-минутного допроса Бунтах отвезли в психиатрическую больницу – на время, пока не представится возможность отправить ее в Бангкок. В больнице она представилась как Кумай и рассказала социальному работнику, что никогда не вернется домой. Женщина согласилась помочь ей найти новое место для жизни.

Но прошел месяц, а Бунтах все еще оставалась в Чиангмае. Ей не нравилось жить в больнице; к ней там плохо относились, пациенты дрались между собой, а пища была почти несъедобной. Когда до нее дошло, что та женщина, социальный работник, не собирается ей помогать, она решила написать письмо медсестре и рассказать правду о своем имени и семье. Получив письмо, медсестра позвонила ее отцу в Бангкок. Когда он приехал в больницу, Бунтах обняла его, сотрясаясь от безудержных рыданий. Сомпхан сказал дочери, что понимает ее и знает о серьезных проблемах дома, но умоляет ее больше никогда не сбежать. Они вместе вернулись в деревню.

Родственники в ярости набросились на Бунтах, называя ее источником своих бед и позором семьи. Отец понял, что дочери небезопасно находиться там без его защиты. Чтобы избавить девочку от дальнейших оскорблений, он должен был бросить работу в Бангкоке и вернуться в деревню. Об оплате ее обучения не было и речи. Отец пытался подрядиться на строительство в Убоне, но там платили мало, и семья не могла прожить на эти деньги.

Тогда Сомпхан одолжил денег у соседей, чтобы начать собственное дело – торговать сладостями с лотка, в то время как мать продавала готовую лапшу, таская бачок с пищей с помощью особого крепления, надетого на плечи. Они сняли в Убоне комнату за шестьсот восемьдесят батов в месяц. Вся семья, включая деда с бабкой, жила в этой единственной комнате, где не было ни воды, ни электричества. Воду они брали из общественного колодца, днем освещение было естественным, а по вечерам зажигали свечи. В результате переезда положение семьи резко ухудшилось: они снова оказались в комнате без современных удобств и винили во всем Бунтах.

Мать Бунтах постоянно кричала на мужа и детей. Отец был мягким человеком, который хотел лишь мира в семье и достаточно денег, чтобы обеспечивать своих родных. Бунтах невыносимо было видеть, как чудовищно обращаются с отцом ее мать и бабка. Она решила, что ей нужно снова бежать. Бунтах украла из копилки Йинг двести батов – накопленные за год деньги на сладости, которые дарил сестренке отец. Ее младшие сестры могли копить подаренные деньги, потому что Бунтах тратила на них свои монетки.

Новый побег

На этот раз 12-летняя Бунтах снова направилась в Бангкок. По дороге на автовокзал в Убоне она вспоминала отца, который просил ее поступать разумно. Но она жаждала новой

жизни и была готова рискнуть чем угодно, только бы дать себе шанс. У нее было всего двести батов. Эта небольшая сумма была ее единственной надеждой. Уже сев в автобус, она снова и снова повторяла себе, что надо быть сильной.

По пути в Бангкок Бунтах рассказала свою историю попутчику. Он сказал, что знает китайский магазин, где есть вакансия продавца, и она сразу согласилась. Ей платили тысячу пятьсот батов в месяц. 12-летняя Бунтах работала с пяти утра до семи вечера, по четырнадцать часов, семь дней в неделю. В конце рабочего дня ей не позволялось отлучаться из дома, где она жила. Китаец-работодатель так и не выплатил ей заработанные деньги полностью. Бунтах снова почувствовала себя пленницей. Она стала жертвой той безжалостной эксплуатации малолетних и нелегальных рабочих, которая процветает в Таиланде даже сегодня. Двенадцати лет от роду она решила бросить работу, так как попала из одной невыносимой ситуации в другую.

За это время Бунтах удалось скопить около четырехсот батов, но она не знала, куда ей податься и что делать. Она бродила по городу, усталая и голодная, и решила подкрепиться супом-лапшой в ларьке полицейского участка Патавун рядом с автовокзалом. Нит, хозяйка ларька, обратила внимание на пакет с пожитками в руках у девочки. Женщина спросила, не ищет ли она работу, и предложила ей торговать лапшой. Предложение было с готовностью принято. Но когда Бунтах пришла вместе с Нит к ней домой, муж Нит, полицейский, не разрешил ей работать у них. Вместо этого он посадил ее в камеру и позвонил в местное отделение социальной службы, чтобы те забрали девочку.

Бунтах отвезли в сиротский приют, где ей снова пришлось столкнуться с побоями. Это ничем не отличалось от жизни дома, разве что в приюте девочек учили делать бумажные цветы, стричь волосы, шить одежду и прививали другие полезные навыки. Как-то раз одна из девочек начала терроризировать других, и Бунтах ее ударила. Она видела в своей юной жизни столько насилия, что готова была на все, чтобы его остановить. **Но она давно знала, что прекратить физическое насилие можно только ответным насилием.**

После этой стычки Бунтах устроили допрос – ее всегда считали зачинщицей в драках. В свою очередь, она сочиняла небывлицы, чтобы скрыть правду о своем участии в потасовках. Она не могла спокойно смотреть на дерущихся, но при этом была не прочь устроить собственную заварушку. Ее решили отослать в Бан Кунвитинг в Патхумтхани. В этом учреждении содержались девочки и женщины с психиатрическими заболеваниями. Если никто не забирал их, они оставались в клинике до самой смерти. Бунтах перевели туда 7 сентября 1993 года. Социальным работникам было невдомек, что именно в этот день ей исполнилось тринадцать лет.

На новом месте Бунтах была приветлива и дружелюбна с пациентками и охранницами. Впервые в жизни она нравилась окружающим, была разговорчива и вызывала у людей улыбку. Одна из охранниц позволила девочке жить вместе с ней. В той красивой комнате было много удобств, отсутствовавших в палате Бунтах, – матрац, вентилятор, подушка и простыни.

Однажды вечером, когда охранница уснула, Бунтах стащила у нее ключи и попыталась сбежать, но не смогла перелезть через высокую стену, окружавшую больницу. Все прожектора были направлены на ее фигурку, выла тревожная сирена. Ее поймали; в ту ночь ей было не суждено обрести свободу.

В наказание за побег на Бунтах надели кандалы и заперли ее в одиночную камеру, посадив на голодный паек. У нее до сих пор остались шрамы на щиколотках в тех местах, где кандалы впивались в тело. Через несколько дней ее выпустили из одиночки, сняли цепи и предупредили: если она снова попытается сбежать, наказание будет более суровым.

Наконец-то Бунтах смогла выспаться. Проснувшись через несколько часов, она обнаружила, что пациентки толпятся у одной из комнат. Сгорая от любопытства, она увидела на

кровати пожилую женщину, которая умерла накануне ночью. Надсмотрщица Пукум сказала, что ей нужны четверо добровольцев, чтобы перенести тело в машину. Вызвались многие, в том числе и Бунтах. После этого она стала молиться о том, чтобы душа женщины попала в лучший мир. Она надеялась, что призрак умершей поможет ей совершить побег из заключения.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как ее выпустили из одиночной камеры и позволили общаться с остальными обитателями клиники. Она участвовала во всех занятиях своей группы, стараясь больше не лезть на рожон. Однажды, когда все были чем-то заняты, Бунтах стащила у одной из служащих гражданскую одежду. Ей пришлось закатать слишком длинные рукава. Но охранница, дежурившая на входе, даже не поглядела на девочку и распахнула перед ней дверь. Бунтах, стараясь держаться непринужденно, вышла из ворот и ни разу не оглянулась.

Бунтах все еще злилась на Бунтанха, того полицейского, из-за которого она попала в психиатрическую клинику. Она была очень храброй, эта 13-летняя девочка, и, не раздумывая, направилась к нему в полицейский участок. Она хотела узнать, почему он так поступил с ней. Пока Бунтах дожидалась Бунтанха, другой полицейский, которого звали Как, спросил, не хочет ли она есть. Она призналась, что голодна, и он повел ее к себе домой, чтобы накормить.

Как был мусульманином, и у него было две жены. Он предложил женам взять девочку в помощницы, чтобы торговать едой. Бунтах поверила, что Как – ее спаситель. Но она не проработала в его доме и месяца. **Однажды ночью он пробрался к ней в комнату и попытался изнасиловать.** Одна из жен услышала ее крики и остановила мужа.

Жены Кака сразу же решили выгнать Бунтах из дома, заявив, что в попытке изнасилования виновата она сама. Они дали ей тысячу батов, чтобы она смогла выжить на улице. Они не желали ей зла, просто хотели избавиться от нее, а главное – удалить от своего мужа.

Бунтах не успела далеко отойти от дома, когда ее догнал Как на мотоцикле. Он сказал, что очень любит ее и найдет ей жилье. Бунтах по глупости поверила и села с ним на мотоцикл. Как отвез ее в отель, и наивная Бунтах решила, что теперь это будет ее новый дом. Но едва она переступила порог номера, Как снова попытался ее изнасиловать. К счастью, на крики прибежал администратор гостиницы, и Как скрылся.

Администратор сказал Бунтах, что такое часто случается с убежавшими девочками. Все служащие отеля советовали ей вернуться домой; они были уверены, что у нее есть любящие родственники, которые о ней беспокоятся. Они скинулись, чтобы собрать ей деньги на обратный путь, и Бунтах неохотно согласилась.

Прошло три месяца с ее последнего побега из дома. По возвращении ее ждал самый недружественный прием. Это ее вовсе не удивило. Но когда она узнала, что отец погиб в автокатастрофе, отправившись искать дочь, сердце ее разбилось. Ее душила скорбь и терзало чувство вины. Боль и мука лишь усилились, когда родственники стали обвинять ее в смерти отца.

Бунтах понимала, что оставаться здесь нельзя, и возвращение в Бангкок казалось единственным решением. Она всегда знала, что нежеланна в собственном доме, но сейчас родственники ясно показали, как они ее ненавидят. Бунтах попросила у матери денег; та дала ей триста батов и велела никогда не возвращаться: Бунтах больше не желала видеть дочь. Это был самый дорогой «подарок», который Бунтах получила от матери за всю свою жизнь. Ее сестры, единственные, кто поздоровался с ней по возвращении, были также единственными, кто сказал ей «прощай».

Теперь Бунтах стала настоящей сиротой. Ее отец погиб, разыскивая свою любимую девочку, а мать выгнала из родного дома. Она не могла вернуться, пока каким-то образом не загладит свою вину за смерть отца. Ей нужно было найти способ снова стать частью

своей семьи, и неважно, насколько презренной и жалкой была эта семья. Тайцы не похожи на американцев и европейцев, которые без проблем живут одни и даже радуются одиночеству. Тайцы ориентированы на семью, им нужно, чтобы вокруг находились другие люди. Для тайца одиночество – символ боли и отчаяния.

Детство Бунтах кончилось. Она отправилась в Бангкок на поиски лучшей жизни. Ей уже не раз приходилось убегать из дома, чтобы избавиться от побоев и незаслуженных тягот. Но теперь нужно было заново заслужить любовь матери, чтобы получить возможность когда-нибудь вернуться. **Рай для секс-туристов ждал ее с распростертыми объятиями. Так началась жизнь Лон. Ей было всего тринадцать!**

II. Бангкок – мой новый дом

Прибытие

В свои тринадцать лет я уже знала домашний и крестьянский труд. Но я понятия не имела, чем займусь в Бангкоке, и мне было очень-очень страшно. Я не могла себе представить, что ждет впереди, но твердо решила, что в бедности больше жить не буду.

Несмотря на свои юные годы, я не собиралась позволить невежеству и предубеждениям матери встать на моем пути. В глубине души я знала, что у меня есть потенциал. Моя жизнь может быть лучше, чем та, что была суждена мне в бедной крестьянской деревне. Мать волновала лишь судьба брата, которому она старалась предоставить все возможности. От меня с сестрами требовалось сидеть дома да ухаживать за животными и небольшим участком земли. Тяжелый труд, физическое и эмоциональное насилие заставили меня снова, в последний раз, сбежать из дома. Я не собиралась всю жизнь провести в Убоне, став бесправной и забитой крестьянкой. **Я родилась не для крестьянской жизни и не для того, чтобы меня били и притесняли. А самое главное – я родилась не для того, чтобы быть бедной!**

Я купила за девяносто пять батов самый дешевый билет на автобус с вентиляцией, в котором мне предстояло ехать десять часов. Поездка на автобусе с кондиционером обошлась бы в сумму, которую можно было заработать за три дня в Бангкоке. Впрочем, кондиционер я видела всего пару раз в жизни, когда заходила в дорогие магазины, где все равно ничего не могла купить. У меня было очень мало денег, и каждый бат казался мне едва ли не золотым.

Мать сунула мне триста батов и велела больше не показываться ей на глаза. Все винили меня в смерти отца. Я и не собиралась возвращаться – по крайней мере, в те беспросветные условия, из которых уже несколько раз убегала. Я рассудила, что вполне заслужила эту жалкую сумму, и даже намного больше. Моя трудовая жизнь началась еще до школы. Я вообще не помню времени, когда бы ни работала. А еще я решила, что не останусь в Убоне до конца своих дней. Там ни у кого не было достойного будущего. Но важнее всего, что *будущего в Убоне не было у меня!*

Я приехала в Бангкок вечером. У меня оставалось двести пять батов – все, что отделяло меня от голода. Я не могла позволить себе даже дешевую гостиницу. В ту первую ночь я ночевала на автовокзале; только жужжащие москиты составляли мне компанию. Я выуживала из мусорных бачков выброшенную кем-то еду и допивала остатки воды из бутылок. Мне некуда было идти, я никого здесь не знала. **Я была маленькой девочкой, заблудившейся в огромном, деловом, людном и космополитичном Бангкоке – в городе, который, как мне вскоре предстояло узнать, был секс-столицей мира.** Этот город стал моим новым домом.

До своего приезда сюда я ни разу не видела лифта и не ездила на эскалаторе. Торговые центры и офисные здания поражали меня своими размерами. Улицы были загромождены тысячами машин, пикапов, дряхлых красных автобусов с вентиляцией – и сверкающих синих, с кондиционерами; все они двигались бампер к бамперу и сеяли хаос. Серо-черные выхлопные газы загрязняли воздух, а оглушительный шум тысяч клаксонов разрывал барабанные перепонки. Десятки мотоциклов возглавляли потоки машин на каждом перекрестке, а множество пешеходов отважно лавировали, уворачиваясь от движущегося транспорта, при переходе улицы. Ни водители, ни пешеходы не обращали особого внимания на светофоры. Казалось, тайцы передвигаются, глядя только прямо перед собой и не заботясь о своей безопасности. Фаранги¹ вели себя осторожнее.

¹ Фаранг (*тайск. farang, лаос. falang*) – это слово используется тайцами для названия европейцев (всех жителей Запада). – Прим. ред.

Я никогда прежде не видела такого огромного скопления людей и такого количества уроженцев самых разных стран. Здесь были африканки, одетые в разноцветные цветастые платья до щиколотки, с головными повязками в тон. Женщины из Восточной Индии в своих эротичных шелковых сари и зауженных на лодыжках брючках, обнажавших смуглые животы. Мужчины-сикхи в традиционных белых тюрбанах; арабы в накрахмаленных длинных белых одеяниях на пуговицах; американские и европейские туристы в привычных джинсах и футболках. Я в своей крестьянской рубаше и мешковатых штанах выглядела так, будто только что явилась из тайского захолустья – впрочем, так оно и было.

Я никогда не видела, чтобы такое множество людей так быстро двигалось по людным торговым улицам, никогда не слышала такого разноязычного говора. Ничто в тихом и хлопотном быте далекой тайской деревни не могло подготовить меня к новой жизни, в которой было столько неведомого. В Убоне я видела Бангкок по телевизору, а также успела познакомиться с его окраинами, пока жила здесь с родителями.

Но теперь это было не телевидение. Я стояла на пороге новой жизни посреди сумятицы и сутолоки этого экзотического города. Мои чувства в тот момент мог понять только другой человек, приехавший из маленькой, первобытной и нищей деревеньки одной из стран «третьего мира»; человек, который впервые в жизни попал в центр современного мегаполиса. *Я была взволнована, утомлена и голодна, но сильнее всего было чувство страха!*

У меня было очень мало денег – и ни друзей, ни родственников, ни жилья в этом огромном городе. Чтобы выжить, я начала просить милостыню. Я узнала, что у туристов можно выпросить намного больше денег, чем получить на настоящей работе. Ночуя на улице, я познакомилась с женщиной, которая пристроила меня нянькой в семью высокопоставленного полицейского. Оказалось, что он держит бар в Патпонге – самом большом развлекательном районе «красных фонарей». В свободное от домашней работы время я начала убирать в баре. Но вскоре мой хозяин потребовал, чтобы я сделала выбор: либо заниматься уборкой в баре, либо нанять его детей. Я выбрала бар, поскольку зарабатывала там больше. Я приехала в Бангкок за деньгами, чтобы получить прощение родственников, которые считали меня причиной гибели отца.

Бунтах больше не существовало. На свет появилась я – Лон. Я найду способ искупить вину Бунтах перед семьей. Тогда мы с ней сможем вернуться домой.

Клуб «Какаду»

Я начала работать уборщицей в клубе «Какаду» – гоу-гоу баре, популярном у мужчин-фарангов. Там было много девушек из Исана, говоривших на моем диалекте. Я мыла полы и убирала за секс-туристами, зарабатывая по полторы тысячи батов за двадцать восемь рабочих дней в месяц, плюс доля от чаевых – тысяча батов. В Убоне я никогда столько не зарабатывала. Я могла каждый месяц отправлять родственникам не меньше тысячи батов. Это была одна из причин, которая привела меня в Бангкок.

Тайцы и многие другие азиаты мыслят себя не отдельными личностями, а членами семьи. Эта привязанность – часть нашей «индивидуальности» (или ее отсутствия). Мы не просто члены своей семьи, мы неотделимы друг от друга. Только в семье мы можем быть индивидуумами. *Мы вместе составляем индивидуальную общность; мы способны выжить только как семья.*

Мне 14 лет.

Итак, я зарабатывала в общей сложности две с половиной тысячи батов в месяц – неплохое начало. Но моя семья была отчаянно бедна. Отец умер, и у меня оставались две младшие сестры, которых надо было обеспечивать. Я хотела, чтобы у них была возможность учиться; чтобы у них была лучшая жизнь, чем у меня. Я должна была зарабатывать больше.

Другие «труженицы» Патпонга

Патпонг – самый популярный район «красных фонарей» в Бангкоке, да и во всем мире. Его трудно описать так, чтобы было понятно непосвященному. Он состоит из двух длинных кварталов: «Патпонг-1» тянется почти на двести метров; а «Патпонг-2» – на сто. Вдоль

каждого из них по обеим сторонам улицы стоят бары на открытом воздухе, стрип-бары гоу-гоу, диско-клубы и секс-шоу. В этих двух кварталах «продажного секса» **почти три тысячи молодых женщин ежедневно рассчитывают встретить мужчину на час, на вечер или, как надеются некоторые, на всю жизнь.** «Каждую неделю одна девушка из Патпонга выходит замуж за иностранца»^[1].

Гоу-гоу и бары бывают самых разных размеров: в одних работает всего десяток девушек, в других – до сотни. В каждом гоу-гоу есть и другие работники. Мы – уборщицы, бартендеры, официантки и привратницы. Официально мы еще не начали встречаться с мужчинами. Мы живем на зарплату в полторы тысячи батов в месяц плюс чаевые со столиков – еще около тысячи батов. Мы не считаемся частью «азиатского экономического чуда». *Неофициально же некоторые девушки, сами того не понимая, вступают на путь, ведущий к саморазрушению.*

У одних рабочий день начинался в два часа дня и заканчивался в полночь. Другие приходили к семи вечера и работали до трех ночи. Мы наводили порядок после предыдущего вечера. Час или два отмывали разлитое пиво. Потом перестилали постели в «почасовых» номерах и мыли ваннные комнаты. После этого нужно было отправляться в бар и таскать сотни пивных бутылок, нарезать ломтиками ананасы и лимоны, мыть посуду и выполнять прочую неквалифицированную и неприятную работу. Посетители баров напивались, проливали пиво, повсюду оставляли следы рвоты. Я не против того, чтобы убирать обычную пыль и грязь, но это была отвратительная работа, и меня от нее тошнило. Танцовщицы получали много, иногда в двадцать раз больше меня, и им не приходилось возиться с грязью. Вскоре я поняла, что «настоящие» деньги в баре зарабатывают не уборкой. Мне хотелось иметь столько же денег, сколько получают танцовщицы, и я была готова на все, чтобы их заработать!

Я была девочкой-подростком из глухой деревни, и все происходящее казалось мне дикостью. Привлекательные девушки в бикини и без соблазнительно танцевали на сцене и позволяли себе то, чего я никогда прежде не видела – даже по телевизору. Ни одна девушка в Убоне не одевалась – и не раздевалась – так, как они. Ни одна девушка в Убоне не носила купальника. Вместо купальников мы, отправляясь на реку, надевали обрезанные джинсы и футболки. Ни одна девушка в Убоне не извивалась вокруг шеста, медленно ласкаясь об него обнаженным телом. Я не могла понять, как эти девушки могут снимать с себя одежду на глазах у посетителей-мужчин и так провокационно танцевать. Я была потрясена! Мне просто не верилось, что девушки из моей деревни, из моей провинции, мои исанские «сестры» могут позволять себе такое поведение. Но они делали это – обвивались своими красивыми загорелыми телами вокруг шестов, исполняли дразнящие движения и «танцы на коленях» – и зарабатывали кучу денег. Гоу-гоу-герлс работали по семь часов в день, каждую неделю им давали один выходной. Они танцевали по пятнадцать-двадцать минут в час; остальное время болтали с посетителями и пытались продать свои услуги на ночь. Те, кому не удавалось заарканить клиента, после закрытия бара или гоу-гоу отправлялись в «Термы»².

В Бангкоке, Паттайе, на Пхукете, в Кох Самуи и Чиангмае клиентов-туристов стремятся обслужить около тридцати тысяч тайских девушек. На Филиппинах, в Индонезии и Камбодже таких еще десятки тысяч; и это только те, кому «повезло» встречаться с иностранцами, а не с местными мужчинами. В борделях Таиланда работает около четырехсот тысяч проституток. В других странах Юго-Восточной Азии миллионы женщин встречаются с местными мужчинами за «карманные деньги» или просто за выплату семейных долгов с огромными процентами. **Родители**

² Бар «Термы» (Thermae) – один из старейших баров Бангкока.

могут получать от пятисот до пяти тысяч батов за то, что дочери работают проститутками в течение нескольких месяцев или намного дольше – иногда до самого конца их короткой и трагической жизни. Мне невероятно повезло, что меня не постигла такая судьба.

«Термы»

«Термы» – точь-в-точь дрянной бар из какого-нибудь американского фильма. Он не похож на типичные бары, какие встречаются в США или Европе. Одно из отличий – очень низкие потолки, высотой всего двести сорок четыре сантиметра. Поскольку мой рост – сто сорок пять сантиметров, для меня это не проблема, но сигаретный дым висит здесь ниже, чем в гоу-гоу клубе. И туристы, и тайские бар-герлс много курят. От дыма тошнит и мутится в голове. В Убоне девушки не курили, но в Бангкоке они начинали курить. В «Термах» было полным-полно привлекательных, юных, сексуальных женщин, в основном уроженок Исана, – женщин, которые приходили сюда с единственной целью: подцепить мужчин-туристов.

«Термы» можно назвать баром «для полуночников». Массажный салон на втором этаже открыт с полудня до полуночи. Когда он закрывается, в баре становитсялюдно. Потом, около двух ночи, когда перестают работать местные гоу-гоу, многие танцовщицы приходят сюда, чтобы найти партнера на ночь – туриста или экспата³. Делали это и мои подруги. Все они работали танцовщицами в клубе гоу-гоу с семи вечера до двух ночи, и если их не забирал какой-нибудь турист, они шли искать клиентов в «Термы».

Впервые оказавшись в «Термах», я наблюдала, как девушки ловят взгляд мужчины, стеснительно улыбаются ему, медленно, но настойчиво приближаются почти вплотную, скрещивают стройные ноги, чтобы продемонстрировать свои красивые бедра. То же самое происходило и в гоу-гоу, с той разницей, что в «Термах» я не работала – по крайней мере, уборщицей. Я приходила сюда повеселиться и почувствовать мужское внимание, но не шла по стопам моих исанских сестер. Каждый вечер я с нетерпением ждала окончания смены, чтобы отправиться в «Термы». В Убоне не было ничего похожего на такое заведение.

Зачем милым юным созданиям ходить в такие места? Причина проста: эти девушки – продукт азиатской нищеты. Их поведение – прямой результат низкой ценности женщины в Таиланде и во всей Юго-Восточной Азии. Даже сейчас, в XXI веке, «в Бангкоке ежедневно бросают шесть младенцев женского пола». В моем случае более чем достаточной мотивацией были бедность моей семьи и потребность вновь завоевать любовь родственников.

Кого может заинтересовать 14-летняя девочка ростом сто сорок пять сантиметров и весом тридцать четыре килограмма? Мой первый клиент. Продажа девственности

Как-то раз, когда я проработала в гоу-гоу уборщицей уже около месяца, к нам пришел мужчина, который искал юную девственницу. «Молоденькая нетронутая девочка» – так звучало его условие, и он называл сумму, выходящую за рамки моего воображения. Позже я узнала, что это был далеко не единственный мужчина, который приехал в Таиланд на поиски такого ребенка.

Мама-сан⁴ спросила, интересуется ли меня это предложение. Секс с ним принес бы мне тридцать тысяч батов. Из этой суммы мама-сан должна была получить шесть тысяч. Я, не задумываясь, согласилась, и она договорилась о продаже моей девственности. Мне было всего четырнадцать лет. Гость представился как Ганс, сказал, что он швейцарец и ему трид-

³ Экспат – сленговое название специалистов, подолгу живущих и работающих за границей.

⁴ Мама-сан – женщина-менеджер в борделе, баре или гоу-гоу клубе.

цать пять лет, хотя на фотографии, которую он мне подарил, кажется, что ему ближе к пятидесяти.

Я почти не говорила по-английски и не участвовала в торге. Единственным моим ответом было «кха», или «да» по-тайски. Он заплатил *мама-сан* за мою невинность. Я в жизни не видела столько денег, и они могли принадлежать моей семье!

Мое сердце пело от радости, предвкушая получение денег, и дрожало от страха перед тем, что мне предстояло сделать, чтобы заработать их. Я ни разу даже за руки с мальчиком не держалась: в тайской глубинке на такое смотрят косо. Бывало, что парня с девушкой заставляли пожениться, если их заставляли просто невинно прикасающимися друг к другу. Теперь же мне предстояло заняться сексом с фарангом, которого я впервые видела. Он был ростом около ста восьмидесяти сантиметров – почти на сорок сантиметров выше меня. **Я была перепугана, но сделала бы что угодно за эти деньги.**

Мы вышли из гоу-гоу в Патпонге и поехали на такси в его отель по адресу: 26 сои, Сукхумвит-роуд. Таксист и бровью не повел, сажая в машину взрослого фаранга, державшего за руку миниатюрную 14-летнюю девочку, которая выглядела еще моложе. Он точно знал, почему мы вместе и чем собираемся заняться. И все же мы были очень странной парой – высокий светлокожий европеец и маленькая девочка с бронзовой кожей. По дороге в отель Ганс говорил со мной по-английски, медленно выговаривая фразы и вставляя в них те немногие тайские слова, какие успел выучить. Я, не переставая, улыбалась, несмотря на ужас, пронизывавший каждую клеточку моего тела. Он бы ни за что не догадался, что творится у меня на душе. Тайцев с детства учат всегда улыбаться, не показывать гнев и скрывать боль: «джай йен» – сохраняй хладнокровие. Мне это особенно хорошо удавалось!

Мы подъехали к отелю; Ганс торопливо расплатился с таксистом и потянул меня за собой. Он очень спешил. Он направился к столу регистрации за ключом, а я ждала в лобби отеля. Администратор посмотрела на меня, потом на него, потом снова на меня – и ничего не сказала. Должно быть, это было для нее не самое привычное зрелище – юная девушка, совсем ребенок, рядом со взрослым мужчиной. Мы с Гансом пошли к лифту и поднялись на его этаж. Так я впервые в жизни оказалась в хорошем отеле.

Когда мы добрались до его номера, мое сердце заколотилось сильнее. Только тут я стала по-настоящему понимать, во что впуталась. Меня так и подмывало развернуться и убежать, но еще больше хотелось получить тридцать тысяч батов.

Мы вошли в номер. Я села в кресло, которое стояло в отдалении. Он знаками указал мне на ванную комнату, чтобы принять душ. Я не отреагировала. Тогда он сам пошел в душ. Я сидела в кресле, думая о том, что должно случиться. Как бы мне ни хотелось, чтобы Ганс остался в душе навсегда, я знала: в конце концов он оттуда выйдет.

У меня было достаточно времени, чтобы выскочить из номера и бегом вернуться в свой бар. Но я сомневалась, что *мама-сан* отдаст мне деньги, если я приду слишком быстро. Нельзя было приехать в Убон неудачницей – девушкой, которая не сумела прислать денег матери. В голове у меня вертелось столько мыслей, что я едва не потеряла сознание. Ганс вышел из душа, прикрывшись полотенцем. Я перестала прикидывать, как бы сбежать, и начала думать о том, что мне предстояло и как себя вести в этой ситуации.

Ганс не догадывался, насколько я перепугана. Он снова указал на дверь ванной. Я зашла туда. Это был самый долгий душ в моей жизни. Собственно, я вообще впервые принимала горячий душ. Я привыкла поливать себя чуть теплой водой, набирая ее ковшиком из бочки. Можно было по-настоящему насладиться горячей струей... если бы не мысли о другом.

Спустя минут двадцать Ганс постучал в дверь: я заперлась изнутри. Видимо, он говорил, что пора выходить, но я была не готова – пока не готова! Я велела ему подождать – по-

тайски. И все же мне пришлось покинуть безопасный закуток запертой ванной комнаты и пойти в спальню. Я снова была полностью одета.

Ганс сказал что-то насчет полотенца. Он говорил по-английски, и, похоже, его несколько не заботило, понимаю я его или нет. Я лишь улыбалась бессмысленной улыбкой. Тогда он жестами велел мне снять одежду.

Я нервничала, мне стало трудно дышать. Он подошел ко мне, взял за руку, подвел к постели и начал снимать с меня блузку. Я чувствовала себя опозоренной, сидя рядом с фарангом без блузки. Стыдясь, я пыталась прикрыться ладонями. Это его рассмешило. Я не могла понять, почему он выбрал меня и заплатил столько денег, когда вокруг столько девушек гораздо более красивых, более развитых и уж точно более сексуальных.

Потом он придвинулся ближе, чтобы снять с меня брюки. Мне хотелось выбежать из номера и никогда в жизни больше не видеть ни одного фаранга. Он начал осторожно расстегивать мои брюки; я была слишком напугана, чтобы пошевелиться. Все, что было после этого, я стараюсь никогда не вспоминать...

После того как он закончил свое дело, постель была в крови – в моей крови. Так произошло мое посвящение в мир детской проституции. В этом мире мне предстояло провести свое отрочество.

Я встала на кровати и посмотрела вниз, на всю эту кровь. Подняла взгляд на зеркало, где отражалось мое щуплое обнаженное тело. По ногам текла кровь. Я слезла с кровати, подошла к зеркалу и ударила по нему кулаком, разбив вдребезги картину, которая смотрела на меня из отражения, – картину моего настоящего и будущего. Я была безутешна. Я рванулась в ванную, и меня вырвало.

Мы вернулись в гоу-гоу, и я забрала свои деньги. Я заработала их – всю эту кучу денег! Теперь я представляла ценность для своей семьи. Я расплатилась за гибель отца. Мать будет в восторге. Она и не представляла себе, что я сумею столько заработать в Бангкоке. Теперь она сможет ходить по деревне, высоко подняв голову; ей будет чем похвастаться перед подругами и соседями. Ужасная маленькая девчонка, которую обзывали обидными прозвищами, теперь стала предметом материнской гордости. Вот только сама эта девчонка больше никогда не сможет гордиться собой. Моя мать сможет хвастаться вещами, которые она теперь купит, и ее не будет волновать, что старшая дочь лишилась чести и достоинства.

Каждый день после этого события, изменившего мою жизнь, я отгоняла от себя отвратительное чувство, которое навсегда затуманило мой разум, опечалило мое сердце и лишило меня присутствия духа. Но я еще не представляла, что следующие семь лет будут такими же.

Обязанности тайских женщин

В наших бедных деревенских семьях мы главные, а часто и единственные добытчицы. Я начала выполнять эту функцию раньше и искуснее многих. К тому же именно на нас лежит обязанность содержать родителей, когда они начинают стареть, и при этом демонстрировать им свою благодарность. Сельская нищета, ограниченность возможностей оставляют дочерям мало вариантов помимо секс-индустрии. Эта коммерческая индустрия, ориентированная на иностранцев или тайцев, стала судьбой многих девушек из Исана.

Меньше чем за час я заработала больше, чем смогла бы получить за год мытья полов и вытряхивания пепельниц, продолжая все это время жить в бедности. Некоторые клиенты говорили мне, что люди в Таиланде бедны, потому что ленивы! В том возрасте, когда они играли в детских лигах, ходили на футбольные матчи или предавались влажным мечтам

о капитанах болельщиц, я спала с посетителями гоу-гоу, чтобы содержать свою семью. Я заплатила за это высшую цену – потеряв себя.

Женщины – заклад в час нужды.

Тайская пословица

Когда я вернулась в гоу-гоу, мои коллеги поздравили меня и стали убеждать, что спать с туристами – это, в сущности, «такая ерунда». Немало 14-летних девочек продавали свою девственность туристам и еще больше – местным мужчинам, причем вторым – за мизерную долю этой цены. Всем девушкам в баре казалось, что деньги, заработанные мною всего час назад, – хороший повод для праздника. Они занимались тем же самым не один год, неплохо жили благодаря туристам и откладывали сбережения. Работа в гоу-гоу помогала им покупать родственникам новые дома или ремонтировать старые. Они дарили мотоциклы братьям, шелковую одежду ручной работы родителям, посылали продукты и напитки для вечеринок, на которых сами никогда не бывали. На эти же деньги они покупали себе золото и одежду. У таких девушек, как мы, не было иного выбора. Мои подруги уверяли, что со мной не случилось ничего плохого и мне не о чем беспокоиться. Возможность быстро зарабатывать большие деньги была слишком соблазнительной. *Они не могли от нее отказаться, не смогла и я!*

Я была очень юна и напугана, когда начала встречаться с мужчинами. Мои подруги, которых я считала своей бангкокской семьей, часто «выручали» меня. Они помогали мне договариваться о цене за секс с мужчинами, выступали в качестве переводчиц и даже знакомили со своими постоянными клиентами, которым нравились молоденькие девушки. Они приглядывали за мной, потому что я была моложе всех. Но я была далеко не первой 14-летней девочкой, продавшей свою девственность туристу.

В свои четырнадцать лет я выглядела слишком юной, чтобы работать в барах под открытым небом и гоу-гоу в качестве бар-герл или танцовщицы. Это затрудняло мне знакомство с потенциальными клиентами. Вместо работы в баре я начала ходить в «Термы» как *фрилансер*, чтобы там находить мужчин. Иногда я просто ждала дома телефонного звонка от кого-нибудь из тех, с кем уже была знакома. Для большинства танцовщиц гоу-гоу их работа – лишь удобный предлог для встреч с мужчинами. Они зарабатывают по три тысячи семьсот пятьдесят батов в месяц только за танцы и как минимум еще двенадцать с половиной тысяч (иногда намного больше) за секс с посетителями баров. Чтобы мне доставались такие деньги, **подруги давали мой номер телефона мужчинам, которые искали очень молоденьких девушек.**

К пятнадцати годам я выросла достаточно, чтобы ходить по диско-клубам и самостоятельно знакомиться с мужчинами. Я стала свободным предпринимателем. Все деньги, которые я зарабатывала, принадлежали мне – только мне одной! Я больше не должна была отдавать часть вознаграждения посредникам. Единственным человеком, с которым я делилась заработками, была моя мать. Мои доходы она использовала, чтобы «делать лицо» в нашей деревне. Но это было только начало.

Мои три года в Бангкоке

Смирение: состояние скромности.

Вот как полагается вести себя тайским девушкам:

- не быть гордой, высокомерной, заносчивой или самоуверенной (уверенной в собственном достоинстве);
- демонстрировать почтительность или подчинение;
- быть бессильной, зависимой, опасливой.

Мы по натуре склонны подчиняться, и кажется, будто у нас никогда не бывает собственных мыслей. Мы преклоняемся перед богатыми людьми, перед блеском, властью и славой, которые сопровождают богатство. Не существует слишком большого страдания, если оно приносит деньги и «делает лицо» семье.

В Америке юные девушки мечтают выходить на сцену, чтобы все аплодировали их таланту и красоте. Многие из них хотят стать знаменитыми рок-певицами и прославленными актрисами. Самое близкое к этой мечте для исанской девушки – танцевать на сцене в бикини (или без него), дожидаясь, пока какой-нибудь мужчина угостит ее напитком и уведет с собой, чтобы заняться сексом. Девушки в разных странах мечтают по-разному. Жизнь, которую мы ведем, в детстве не была нашей целью, но стала нашей реальностью. Это едва ли не лучшее из того, на что могут надеяться уроженки Исана.

Все мы, работающие в гоу-гоу, барах и диско-клубах, – сестры, матери, дочери, а порой даже жены. Мои сестры в провинции были поначалу благодарны за каждый бат, который я посылала им, чтобы они могли ходить в школу, хорошо питаться и носить красивую одежду. Единственное, что заботило моего брата, – чтобы я была здорова и продолжала присылать деньги матери, от чего он получал прямую выгоду. Со временем Саи стала меньше обо мне беспокоиться, но все равно делала это чаще, чем Йинг.

Работа в ночную смену. Мне 14 лет.

У других девушек была примерно такая же ситуация. Они содержали своих матерей и отцов, сестер и братьев, детей и прочих родственников. В провинции нет разделения на ближайшую и дальнюю родню – все считаются близкими. Каждый, кто хотя бы отдаленно связан с семьей «трудящейся девушки», получает свою выгоду от ее усилий и самопожертвования. Семья растет, стоит появиться деньгам, в нее входит даже «седьмая вода на киселе». Мы часто содержим родственников, ставших инвалидами из-за отсутствия лекарств или прививок, недоступных в наших деревнях, в результате автомобильных аварий и несчастных случаев на производстве. Слишком часто медицинские чиновники *продают* препараты для вакцинации, вместо того чтобы бесплатно распределять их среди населения деревни.

Танцы в диско-клубах

Я встречала секс-туристов притворно-застенчивым взглядом и милой улыбкой в одной из крупнейших секс-столиц мира – пестром и космополитичном Бангкоке. Мои подростковые годы были далеки от жизни, которую ведет большинство 14-летних девочек в цивилизованном обществе. Подростки в Америке и Европе слушают музыку и танцуют под

ритмы модных рок-групп, ходят на «вечеринки с ночевкой», где все едят пиццу и хихикают, одновременно потянувшись за последним куриным крылышком. **Я же тянулась к жирным, небритым, грязным, пожилым мужчинам, от которых несло потом, сигаретами и спиртным. Я зарабатывала деньги, чтобы моя мать ходила в золоте, а сестры учились в школе.**

Позирую в диско-клубе «Пепперминт». Мне 15 лет.

Когда до матери дошло, какие суммы я получаю, она предпочла закрыть глаза на источник этих денег, а ее требования «прислать еще» стали постоянными. Я узнала, что мой долг – не только финансово компенсировать гибель моего отца, но и обеспечивать мать, сестер и все семейство. В то время как другие девочки-подростки смотрели фильмы с Мэлом Гибсоном или Джулией Робертс, ели масляный попкорн и покупали себе модные штучки, я участвовала в похотливых половых актах, какие можно увидеть только в фильмах категории XXX. Мне было всего четырнадцать лет; я была одинока и несчастна.

В том возрасте, который считается возрастом невинности на Западе и (наверняка) в других частях света, я была предоставлена самой себе. У меня не было ни полезных навыков,

ни образования. Я не знала иного способа добывания денег, кроме торговли своим телом. Я была опозорена и стыдилась себя; я чувствовала себя грязной – грязнее, чем те отвратительные мужчины, с которыми мне приходилось спать. С каждым новым «Каким» (клиентом) я презирала себя еще больше, нанося новую травму своей душе. Не сознавая этого, я начала ненавидеть себя. Если когда-нибудь я и ценила себя как человеческую особь, то эта ценность была уничтожена в зародыше еще до того, как я поняла, что она существует. Прежде чем моя самооценка могла укорениться, вырасти и расцвести, она была погребена под чувством стыда. Я была шлюхой! Мое отрочество только-только началось, но я уже познала боль разбитого сердца и отвращения, и эти чувства меня ошеломили. Я никак не могла смыть с себя грязь, которой, казалось, пропитались все мои поры.

III. Исанские семейные ценности. Неравные условия

Моя жизнь мало отличалась от жизни других девушек, занятых в тайской индустрии секс-туризма. Стоило нам уехать в Большой город или на какой-нибудь туристический курорт, как наши родственники начинали безостановочно требовать денег. Моя мать ежедневно опустошала мой банковский счет. Она никогда не спрашивала о моем самочувствии и звонила только для того, чтобы потребовать еще денег. Ей нужны были новые диван, стол, телевизор, холодильник... Она дарила моему брату все, что могла себе позволить, – и все это покупалось на мои деньги. В Таиланде 14-летние девушки нередко торгуют собой, чтобы у их братьев были видеокамеры и мотоциклы. Мать подарила моему брату видеокамеру, которую я для нее купила, и захотела получить еще одну взамен той. Потребовала тележку-лапшевицу, чтобы открыть «ресторан на колесах», но после недолгой попытки побыть частным предпринимателем решила, что для этого нужно слишком много усилий. Усилия! Да она и понятия не имела, что это такое! Я продала себя десяти старикам, по тысяче батов с каждого, чтобы купить ей эту тележку, от которой она так небрежно отмахнулась.

Мать закатывала щедрые вечеринки для своих подруг и даже для совершенно незнакомых людей на те деньги, которые я зарабатывала, совершая омерзительные половые акты. Я отдавала ей все золото, подаренное мне клиентами, – от «хорошей дочери» именно этого и ждали. Мне бы и в голову не пришло ограничиться меньшим.

Вечеринки и золотые украшения создавали моей матери «лицо». «Лицо» не только важнее и ценнее, чем честь и достоинство дочери; оно ценится даже больше, чем ее жизнь. Нам, обездоленным женщинам Таиланда, в особенности дочерям Исана, тайская культура промывает мозги, заставляя лишаться чести ради наших родственников. Нам так и не довелось узнать, что что значит – ценить себя. В XXI веке наши женщины по-прежнему живут по тайским пословицам и нормам XIV века, например: «Женщина – буйвол; мужчина – человек». Единственное, что в нас есть ценного, – это наш труд: всего остального мы не стоим. Мне потребовалось еще немало лет и множество неудачных отношений, чтобы я окончательно поняла – а главное, приняла – тот факт, что представляла ценность для своей матери лишь постольку, поскольку присылала деньги домой.

Исанские «семейные ценности» в сельских провинциях очень лицемерны. **Девочек не стоит учить, однако от нас ждут, что мы станем главным источником дохода и благополучия наших семей.** Если мы хорошо зарабатываем, неважно, каким способом, то несем на себе клеймо источника этих денег – в моем случае это была детская проституция. Увы, такое по-прежнему происходит с миллионами молодых женщин по всей Юго-Восточной Азии. Эмоциональное страдание в конечном счете приводит нас к физическому и психологическому упадку. Разум чахнет, а тело разрушается. У нас уже в раннем возрасте возникают серьезные проблемы со здоровьем из-за неправильного образа жизни, в который мы втягиваемся. Я ни разу не встречала женщину, сумевшую полностью оправиться от своего участия в торговле сексом.

Согласно буддизму Тхеравады, главной тайской религии, мальчики могут считаться достойными людьми, если они прожили в храме три месяца и стали монахами. Это их единственная семейная обязанность. Дочь зарабатывает признание, посвящая себя заботам о родителях. Это не рецепт семейного счастья и – на примере Таиланда – не гарантия процветания. Исанские семьи не заботятся о своих женщинах, зато мужчины могут сколько угодно жить на заработанные женщиной деньги, не навлекая на себя бесчестия. Если жен-

щина добывает достаточно денег – иными словами, помогает своей семье создать хорошее «лицо», – она может в следующей жизни родиться мужчиной.

Я надеюсь родиться не просто мужчиной, но западным мужчиной, если уж на то пошло!

Мужчина – золото, женщина – тряпка.

Мужчины похожи на золото: когда золото падает в грязь, его можно очистить.

Женщины похожи на тряпку: когда тряпка падает в грязь, ее невозможно отстирать добела.

Кхмерская пословица

С самого раннего возраста дочерям Исана рассказывают байку: «Одна семья задолжала грязному и отвратительному нищему. Вместо выплаты долга родители продали ему свою дочь, чтобы она жила с нищим и делила с ним ложе, пока долг не будет выплачен». «Мораль» этой притчи: почтительная дочь должна делать для родителей все, что угодно.

Наслушавшихся таких притчей дочерей часто (и полностью отдавая себе в этом отчет) посылают трудиться, как рабынь, на фабрики и в бордели по всей стране – в Бангкок, Паттайю, Чиангмай, на Пхукет или в Кох Самуи. Сыновья остаются дома с родителями, пьянствуют, и толку от них никакого. Они живут на доходы от проституции, которой занимаются их сестры. С этим поведением не просто мирятся; оно считается приемлемым во всех бедных регионах Таиланда, хотя о нем никогда не говорят вслух.

Когда я возвращаюсь в свою деревню, в дом, где все буквально кричит о вливаемых в него огромных суммах, никто не спрашивает, откуда у моей семьи столько денег; моя непроезжимая «профессия» – это не проблема. В сущности, я купила своей семье «лицо». Но если бы я не посылала ничего домой – вот тогда я была бы шлюхой! Дело не в том, что я такое и чем занимаюсь, а в том, сколько ДЕНЕГ приношу домой – это определяет мой статус. За деньги в Таиланде можно купить все, даже «любовь» собственных родственников.

Некоторые тайские девушки, накопив достаточную сумму на обслуживании туристов, возвращаются в свои деревни и выходят замуж. К сожалению, такой брак мужчина часто рассматривает как возможность получить доступ к большим деньгам. Развод следует вскоре после того, как он запустит руку в сбережения жены. Он может даже предложить ей снова вернуться к проституции. К тому же после работы в секс-туристических районах многие девушки перестают встречаться с мужчинами-тайцами: они научились смотреть на мужчин как на источник средств, а не на потребителей.

Таиланд неоднороден: север и юг так же отличаются друг от друга, как запад и восток. Весь северо-восточный регион (Исан) поставляет приблизительно восемьдесят процентов девушек, занятых в секс-индустрии. У большинства из них за плечами всего четыре класса начальной школы, до седьмого класса доучиваются лишь двадцать пять процентов. У некоторых вообще нет официального образования. Как показывает статистика, в местную торговлю плотью около сорока процентов девушек приходят добровольно, в то время как остальные шестьдесят процентов заставляют заняться проституцией силой, угрозами или обманом^[2].

В барах встречаются девушки родом из Бангкока, Центрального, Северного или Южного Таиланда; но чаще там звучит исанский диалект. Некоторые девушки даже заучивают его основные слова, чтобы понимать подруг.

Я всегда говорила своим клиентам, что моя мать не знает, каким способом я зарабатываю. Они смотрели на меня в изумлении. Приходилось напоминать им, что Таиланд – это «страна притворства». Клиенты спрашивали: «Как может юная девушка без образования уехать в Бангкок и присылать домой по тридцать тысяч батов в месяц? Твоей матери навер-

няка все известно! Ваша культура отрицает правду!» Они утверждали, что исанское общество страдает «культурной инвалидностью» – и были правы. Исан действительно культурно инвалидное общество, для которого «лицо» ценнее, чем собственные дочери. Именно это общество, мое общество, привело меня к моим тогдашним взглядам и к тому, что я изменила их спустя семь лет.

Клиенты считали, что моя мать – вампир, который высасывает из меня жизнь, чтобы закатывать вечеринки и «делать лицо» перед подругами. Они уверяли, что американки скорее бы умерли от голода, чем стали есть еду, купленную за деньги, полученные от проституции их дочерей. Я отвечала: «У меня только одна мать, и я люблю ее». Это просто вопрос «лица». Моя мать не могла показать, что знает об источнике моих доходов. Я не могла – и до сих пор не могу – признаться в своем презрении к ее почитанию «лица» и материальных благ, которые она ценит больше, чем меня. И все же я люблю свою мать и всегда буду любить. *Я должна так поступать, поскольку я дочь Исана.*

Делать вид, что никто в деревне не знает, чем занимаются их юные дочери в Бангкоке и Паттайе, – это приемлемое поведение. В нем отражается ценность женщины в тайском обществе, особенно женщины из Исана. Исанская культура – это упражнение в *мизогинии* – ненависти к женщинам. Ненависть появляется с рождением девочки и сопровождает ее всю жизнь.

Таиланд – прекрасный пример общества, которое не способно развиваться, потому что ценность представляет лишь половина его населения. **Чем менее ценны женщины в обществе, тем оно беднее.** В этом отношении показателен Афганистан, где женщины значат меньше, чем в любой другой стране мира. Статус женщины, развитие общества и его «стандарт жизни» идут рука об руку. Когда женщины занимают достойное положение, они участвуют в развитии общества и вносят в него свой вклад.

Народы Таиланда, Юго-Восточной Азии и многочисленных других культур ведут жизнь, которая сводится к тому, чтобы «делать лицо». Эта цель определяет наше поведение, надежды, восприятие реальности и отношение к ней. Мы вкладываем ресурсы в «лицо», а не в улучшение «стандартов жизни», не в повышение человеческой ценности и построение более развитого общества. Многочисленные дети (в Юго-Восточной Азии нередко приходится по четверо-семеро душ на семью) посылают деньги домой, поддерживая своих родителей. Японцы говорили моей подруге Нан: «В Японии деньги текут от родителя к ребенку (хотя вопрос «лица» в Японии по-прежнему важен). В Таиланде они текут в противоположном направлении». США и Европа в этом отношении не отличаются от Японии. Вот одна из многих причин, по которым Запад и Япония богаты, в то время как Таиланд беден, и особенно беден Исан.

В недостаточно развитом мире дети становятся самостоятельными уже в 12-летнем возрасте. По очевидным причинам их потенциальный доход находится на самой нижней ступени карьерной лестницы. Дети в США и Европе обретают самостоятельность только к восемнадцати или двадцати двум годам, а порой и позднее. Но их уровень самодостаточности весьма высок. Я стала самодостаточной, будучи 13-летней девочкой, когда приехала в Бангкок. Я была сладким сном секс-туриста и мечтой любой исанской женщины – дочь, способная давать много денег, чтобы помочь матери «делать лицо» в деревне.

В детстве я вовсе не мечтала стать проституткой-фрилансером в Бангкоке. В моей стране живут десятки тысяч девушек вроде меня, и еще многие миллионы тех, кому «повезло» еще меньше, – в соседних странах. Все они родились в чудовищной бедности. Мы не знаем другого способа заработать, который смог бы приподнять нас над мрачной, безнадежной и унижительной жизнью. *Унижение, от которого страдают наши нищие семьи, гораздо хуже того унижения, какое приходится терпеть нам, торгующим своим телом.* Социально-экономической системой Исана не предусмотрен иной способ заработать

на «лицо». Не имея возможности получить образование, мы рассматриваем свою несчастливую судьбу как единственный – и гораздо лучший – выход, чем жизнь наших семей в вечном отчаянии.

IV. Деревенская жизнь

Стороннему наблюдателю нелегко понять Таиланд.

В следующих главах я начну разоблачать лицемерие моей страны и рассказывать интимные подробности, намеренно скрываемые от посторонних глаз.

Работать или не работать

Деревенские бедняки из провинции трудятся не покладая рук, когда удастся найти работу... если им не повезло иметь дочь, торгующую своим телом. Это утверждение точно описывает моего отца – трудолюбивого и преданного семье мужчину. Они могут также предпочесть *не* работать, даже когда работа находится. Это характеризует моего деда.

Часто в семье есть по меньшей мере одна женщина, которая с раннего возраста интуитивно знает, что она – избранная. Она несет ответственность за выход семьи из бедности, в то время как остальные родственники живут на ее доходы. Любому, кто хотя бы поверхностно знаком с исанской культурой, ясно, что по традиции эта обязанность ложится на плечи старшей дочери. Она пытается спасти своих родственников от них самих. По правде говоря, в большинстве случаев она всего лишь поддерживает уровень выживания, в то время как юноши и молодые мужчины освобождены от этого бремени. Такова реальность для большей части выходцев из деревенской среды.

В провинции часто можно видеть, как муж гоняет на своем старом мотоцикле по рынку или вокруг деревенского храма, в то время как его несчастная жена занимается и семейной лавкой, и детьми. Беспомощность и отчаяние запечатлелись на ее исхудалом лице. Мужчины всех возрастов целыми днями смотрят телевизор и приглядывают за малышами (именно в таком порядке), а их жены и юные дочери трудятся разносчицами или торгуют лапшой. Мой отец был редким исключением.

Жизнь в деревне дешева. Час Интернета или компьютерной игры стоит десять батов в интернет-клубе, но это развлечение могут себе позволить лишь немногие подростки. За двадцать батов продается вкусный полноценный обед с супом или большой тайский десерт – его хватает на десятерых. За тридцать батов мужчина может постричься у любимого парикмахера, а за сотню – наведаться в местный бордель, чтобы переспать с девушкой из другого региона. Заплатив сорок батов, женщина делает себе маникюр и педикюр. Женская стрижка или час целительного тайского массажа обойдется в пятьдесят батов. За сто батов можно посетить сеанс настоящего целителя: после его массажа довольный клиент чувствует себя так, словно обрел нирвану. Как бы ни были бедны крестьяне, женщины часто ухитряются наскрести необходимую сумму, чтобы регулярно посещать салон красоты; другие же делают это только по особым случаям. **Бедность никогда не остановит желание женщины быть красивой.**

Азартные игры

Деревенские жители – отчаянные игроки. Они готовы потратить последний бат на лотерею или порцию виски, которое часто стоит всего шестьдесят батов за литр. Они любят выпить и стараются делать это как можно чаще. Что касается азартных игр, этот незаконный (если не считать государственной лотереи) бизнес процветает на всей территории Таиланда. Подпольные лотереи и казино в изобилии имеются в городах и деревнях. Полиции дают взятки, чтобы она не мешала, – если у полицейских с самого начала нет доли в игорном деле. Для провинции это образ жизни.

«Подпольная лотерея» – самая популярная форма азартных игр. Она дарит беднякам лучик надежды и вполне доступна при цене один-два бата за ставку. Такие мизерные цены невозможны в спонсируемой государством лотерее, где самая низкая ставка обходится в

сорок пять батов. Проигрыш небольшой, зато в случае выигрыша можно получить кругленькую сумму. Одна только подпольная лотерея под названием «фондовый рынок» может принести в восемьдесят три раза больше начальной ставки. Например, если поставить шесть батов, то выигрыш составит пятьсот батов; а если поставить тысячу батов – восемьдесят три тысячи.

«Похоронная азартная игра» – еще одно распространенное времяпрепровождение: игроки каждый вечер посещают заупокойные службы. Они редко знакомы с покойным, однако без смущения входят в дом, где монахи только что помолились над телом. Десять процентов участников панихиды – профессиональные игроки, и это их единственный способ заработать. В этом смысле они ничем не отличаются от тех, кто зарабатывает, торгуя своим телом.

Все мы – люди необразованные и неумелые. Хотя наши заработки разнятся, ставки одинаково высоки. Профессиональные игроки рискуют своими ставками; мы рискуем своими телами. В то время как азартные игры в большей части мира – просто волнующее развлечение, в Таиланде это единственный способ заработать для неграмотных и нищих деревенских жителей. Обмен сексуальных утех на твердую валюту – единственный заработок, доступный для молодых женщин, родившихся в деревенской нищете Таиланда, заработок, который может гарантировать финансовую стабильность.

Петушинные бои – еще одна игра, в которой пытаются счастья деревенские бедняки. Азартные игры помогают временно избавиться от скуки и недовольства. «Ты доволен?» – вот вопрос, который таец часто слышит в течение дня.

Каждое религиозное празднество, свадьба, похороны или рождение ребенка – это открытое приглашение всем желающим собраться вместе, выпить и поплясать, пока держат ноги. Деревенские жители не упускают случая поучаствовать в праздничных парадах, где пикапы изображают колесницы, а молодые и красивые люди, одетые в скромные подобию классических тайских костюмов, восседают на склеенных из папье-маше лошадях, установленных на тракторных прицепах.

Характер

Люди в провинции столь же грубы снаружи, как тверды и жизнестойки изнутри. Мужчины пользуются уличными писсуарами позади заправочных станций, а женщины до сих пор открывают пивные бутылки зубами. Почти все – и мужчины, и женщины – плюют, когда угодно и где угодно, хоть из окна второго этажа, хоть во время ужина в открытом ресторане. В провинции трудно найти ресторан под крышей, они есть только в крупных городах.

Исанский парад. Провинция хвастается самыми красивыми жителями.

Примером жизнестойкости служит история 32-летней женщины, которую недавно госпитализировали. Она пролежала в коме двое суток после приема новейших таблеток для похудения; ее жизнь висела на волоске. На третий день она вышла из комы и сразу вернулась к своей работе, в салон красоты. Пока она лежала в больнице, ее муж, не зная, выживет жена или умрет, устроил вечеринку в честь Сонгкхрана (тайский Новый год) – главного праздника года. Все это укладывается в нормы поведения тех, кто родился и живет в провинциях Таиланда, поскольку они знают: эта бесплодная жизнь – единственное, что у них есть. Во всех бедных деревнях северо-востока царит ощущение безнадежности. Оно ничуть не изменилось за те двадцать с лишним лет, которые успела прожить на свете Бунтах.

Крепкое спиртное здесь пьют, как воду, и почти для всех деревенских жителей пьянство стало образом жизни. Оно приглушает их страдания и помогает забыть о своей беспомощности. Безумные празднества, сопровождающиеся странными, часто откровенно сексуальными костюмами, уживаются с верой в буддизм, делая их жизнь сносной. Именно благодаря пьянству, азартным играм, праздникам и молитвам, обращенным к Будде, страдающие люди Исана продолжают носить маску оптимизма, несмотря на великую нищету и несправедливость их жизни.

Склад мышления деревенских жителей можно охарактеризовать одним словом – захламленный. Порой женщины старше сорока – в том возрасте, который считается в деревнях началом старости, – прямо на улице обмахиваются блузами, задранными выше бюстгалтера. Дома они часто ходят в одном бюстгалтере, саронге и шлепанцах в присутствии мужчин разного возраста. Так же они одеты, когда выходят во двор посудачить с соседками. В жаркий день женщины старшего возраста и вовсе не надевают блузу, отправляясь торговать на рынок. Но им и в голову не пришло бы демонстрировать ложбинку между грудями или часть ног выше щиколотки, в крайнем случае до середины лодыжки.

Контрасты между приемлемым и неприемлемым поведением могут показаться противоречивыми, но, с точки зрения людей Исана, их жизнь проста. Появление на рынке жен-

щины в лифчике и саронге – всего лишь вопрос практичности. Полной женщине в возрасте слишком жарко в блузе, а поскольку ее уже не воспринимают как сексуальный объект, отсутствие блузы допустимо. Эти воззрения помогают им выживать.

Преступность, алчность и суеверия

Странные, но реальные истории из быта одной далекой деревни с легкостью могут произойти в любой другой деревне. Весной 2003 года женатый полицейский жестоко убил свою богатую любовницу, с которой порвал после восемнадцати лет отношений – она не хотела отпускать его. Жена, со своей стороны, подарила ему новый автомобиль, чтобы он расстался с любовницей, хотя и ей, и их детям эта связь приносила большую выгоду. Он решил, что сможет замаскировать убийство под ограбление – якобы преступник проник в дом через дыру в крыше. Совершив задуманное, полицейский забрал все золото, украшения и деньги. На долю случайного мародера не осталось ничего ценного.

В ходе расследования полиция узнала от младшей дочери полицейского, что во время преступления его не было дома. Он ушел незадолго до убийства и отсутствовал несколько часов. Впрочем, и без всяких улик его коллеги и все остальные знали, что именно он совершил это ужасное преступление. *В деревне тайн не существует.* Но полиция предпочла не доводить дело до суда – вполне ожидаемое решение, когда речь идет о полицейском, друге, родственнике, деловом партнере, политике или просто богатом человеке. Не имеет значения, совершено преступление в крохотной деревушке или в таком крупном городе, как Бангкок, – богатые, могущественные и имеющие нужные связи люди выходят сухими из воды.

За несколько недель до этого в той же деревне другой полицейский убил свою жену, когда та стала дразнить его рассказами о своих прежних любовниках. Единственное преступление, в котором его признали виновным, был «приступ ревности». Убийство сочли *случайным, произошедшим* «на почве страсти». Он вернулся к работе через считанные дни после того, как труп жены нашли возле их дома, где он его зарыл. Тетка погибшей попросила, чтобы ему позволили вернуться к работе, поскольку иначе некому было бы материально помочь ей растить детей племянницы. И вот его единственное наказание: он убежден, что в доме поселился дух убитой им жены, и отказывается туда возвращаться! Мы, тайцы, чрезвычайно суеверны.

Приговоры, вынесенные в двух вышеописанных случаях, – лишь два примера из миллиардов, указывающих на низкую ценность женщины в моей стране. **Женщин убивают, а их убийцы разгуливают на свободе!**

Самоубийство и суеверие

Весной того же года один фермер (отец троих маленьких сыновей) работал на своей земле вместе с несколькими еще более бедными батраками. Увы, вскоре он лишился своей земли из-за самоубийства 25-летнего крестьянина-алкоголика, который повесился на стропилах хижины, выделенной батракам. Труп обнаружила молодая пара, искавшая укрытие для любовных утех. Фермер жил в провинции, где цены на школьное обучение были достаточно низкими, чтобы он мог дать образование двум сыновьям-школьникам. Его жена работала в Бангкоке и заботилась о двухлетней дочке.

Но когда весть о трагической смерти молодого парня дошла до батраков, они сбежали от страха. Бедный фермер мог только бессильно наблюдать, как окрестные джунгли пожирают его хозяйство. Никто не желал даже приблизиться к его земле. Это еще одно свидетельство того, как суеверия поддерживают нисходящую спираль нищеты. Такие примеры демонстрируют остальному миру, что мы – захолустье, выходящее даже за рамки понятия «третий мир».

Полиция и вымогательство

В каждой деревне есть свои богачи; они, как правило, нажили состояние нелегальным путем, вымогая взятки у других нелегальных деятелей или обкрадывая бедняков. *В деревне любое редкое исключение становится уникальным.* Полицейские ухитряются обеспечить себе источник дохода, просто собирая дань с других. Каждый день взятки перекочевывают в их ненавязчиво сжатые кулаки, но им самим достаются лишь крохи. Большую часть денег они передают своим начальникам. У каждого есть квота, которую он должен собрать до конца дня. Как правило, глава полиции в любой деревне – человек более обеспеченный по сравнению с теми, кто получает такую же зарплату, но не связан с полицейским управлением. Начальник полиции всегда живет в одном из самых красивых домов и ездит на дорогом автомобиле. Из этого не делают секрета.

На провинциальных дорогах дорожный патрульный избирательно останавливает машины, сообщает водителю, что только что тот превысил скорость (никаких радаров здесь нет и в помине), и подносит к окну машины сжатый кулак. У невезучего водителя есть два варианта. Первый и на сегодняшний день самый простой – дать полицейскому взятку, как правило, сто батов. Второй – лишиться водительской лицензии, отправиться в суд, уплатить четыреста батов и вернуться к полицейскому, обвинившему его, за правами. В последнем случае придется потерять не один час, а порой и весь рабочий день. Большинство предпочитает сунуть сто батов в жадный кулак.

Водитель рискует навлечь на себя гнев полицейского, отказавшись дать взятку. Тем не менее этот рядовой служака делает лишь то, что ему приказано. У него есть квота, которую надо выполнить; именно поэтому он и пошел работать в полицию. Это идеальная возможность впятеро увеличить свой служебный оклад. Подобный сценарий каждый день тысячекратно воспроизводится по всему Таиланду – и в глухих пасторальных провинциях, и на распутных пляжах, и в суетливом Бангкоке.

Ловля крыс

В деревнях Северо-Восточного Таиланда полно бедных, часто «безземельных» крестьян, которые наскребая средства на жизнь любыми способами, в зависимости от сельскохозяйственного сезона. В Исане с ноября по февраль крестьяне в поте лица трудятся на полях, выращивая рис. Землевладельцы нанимают для этого изнурительного труда батраков, которые работают за половину полученного урожая. Все собранное делится пополам. Безземельные крестьяне на свою долю кормят семью и продают часть этой «натуральной оплаты» на рынке, чтобы купить предметы первой необходимости.

Сезон сбора риса – это также пора ловли крыс, разжиревших на новом урожае. **Чтобы обеспечить мясом своих детей, сельские бедняки промышляют в садах и лесах, вылавливая крыс и змей,** а также удят рыбу. Крыса в среднем весит от трехсот до пятисот граммов; ее мясо в этот период особенно вкусное. Если добытчик поймает достаточно крыс, то может продать их, выкрикивая по деревне: «Оу но багх?» («Крысы нужны?») Здесь это такое же привычное явление, как сигнал грузовичка с мороженым на Западе. Можно не промышлять продажей лишних крыс, а заработать себе «дополнительные очки», раздаривая их друзьям и соседям.

Крыс свежуют и жарят на вертеле вместе с хвостами до образования золотистой корочки. Исанцы, как правило, могут позволить себе покупать мясо лишь раз в неделю, а крысы – вкусная замена традиционному мясу. Если охотникам повезет и они отыщут подземное гнездо с новорожденными крысятами, голыми, с еще не открывшимися глазами, их насаживают на шампур и жарят на гриле. В Камбодже, во Вьетнаме и в Лаосе тоже готовят крыс, пойманных на рисовых полях; эти крысы по вкусу отличаются от уличных городских, которые кормятся мусором. Мясо у такой крысы постное и напоминает свинину. Вспышки

смертельного «птичьего гриппа», который унес жизни тридцати одного человека в Таиланде, во Вьетнаме и в Китае, связаны с производством куриного мяса. Они заставили многих азиатских поваров всячески избегать прикосновения к сырой курятине и упрочили популярность блюд из крыс в этом регионе.

На северо-востоке страны в качестве недорогих мясных продуктов используются жареные насекомые – водяные клопы, сверчки, кузнечики и саранча; по вкусу они напоминают зажаренный на углях гамбургер. Эту вкусную мелочь можно купить в киосках крупных торговых центров и у торговцев на тележках по всему Таиланду. Мы также едим лягушек и ящериц (тук-гах), похожих на мясо кальмара; они дешевы или достаются и вовсе бесплатно, если собирать их на рисовых полях и в садах. В моем доме собак или кошек не ели, в отличие от других семей. Когда закалывали буйвола, мясо вялили на солнце, потому что электричества для морозильников не было.

«Ням-ням... Сап эли дер?» Вкусная мелочь – пальчики оближешь: закуски в исанском стиле.

В июне-июле, в первые два месяца сезона дождей, в изобилии плодятся лягушки. Их брачный зов – «ква, ква, ква» – звучит музыкой для нашего слуха. Через три недели мы сможем вылавливать тысячи головастика в день. Их потрошат, добавляют соль, чили и базилик, выкладывают по двести-триста штук на банановый лист, заворачивают и запекают на горячих углях. Головастика легко искать и ловить.

В июне, июле и августе рыба мечет икру, и из икринок вылупляются мальки. Это еще и грибной сезон. В марте-апреле, когда выдается засушливый год, рыбу ловить легко, поскольку уровень воды спадает и она поневоле скапливается в обмелевших прудах.

Доход и его последующее распределение

Средний заработок в деревне составляет восемьдесят три бата в день (при 9–12-часовом рабочем дне, а нередко и больше, семь дней в неделю), или две с половиной тысячи батов в месяц за тяжкий труд под палящим солнцем. Горничные и менее удачливые работники получают меньше: пятьдесят батов в день (восемь-двенадцать часов работы ежедневно, без выходных), или полторы тысячи в месяц. По этой причине юные ученики и ученицы порой готовы пойти на сексуальный контакт с учителем, тайцем или фарангом. Учитель может выплачивать за это ученику денежную сумму, составляющую около половины заработка его родителей.

Доход владельца лавки часто не превышает четырех-восьми тысяч батов в месяц. Молодой, талантливый и разбирающийся в компьютерах учитель старшей школы, способный преподавать музыку, изобразительное искусство, фотографию и аэробику, зарабатывает шесть тысяч батов в месяц. Преподаватель с 20-летним стажем в сфере профессионального обучения получает до двадцати тысяч батов.

Те немногие, кто достиг определенного материального положения, могут шить одежду на заказ у деревенского портного. Костюм-двойка обойдется бедному фермеру, водителю тук-тука, сборщику хвороста или садовнику в сумму, которую он заработает за три-четыре месяца непосильного труда. Этот величественный символ достатка будет в конце концов засунут в стиральную машину и не увидит ни распрямляющего заломы отпаривателя, ни отглаженных утюгом стрелок. Хотя зажиточные крестьяне порой покупают дорогие товары, они не умеют ухаживать за ними, да и не заинтересованы в их сохранении. Единственное предназначение подобной покупки – «делать лицо».

V. Образование: только для мальчиков – девочек просят не беспокоиться

Я родилась в деревне, населенной преимущественно бедными тайскими горцами. Как и большинству девочек из бедноты, мне не позволили ходить в школу после двенадцати лет, то есть по окончании шестого класса. Деньги в семье имелись лишь на образование моего брата. **«Образование – только для мальчиков» – такова была политика в Таиланде с момента зарождения нашей цивилизации.** Эта шовинистская политика ставит перед девушками незавидную задачу: сразу же начинать поиски «настоящей» работы. Безысходность приводит к тому, что девушки ищут в проституции выход из своей отчаянной бедности. Решение, которое я приняла много лет назад, принимают ежедневно, еженедельно тысячи девушек – в основном уроженки «третьего мира», и особенно стран Юго-Восточной Азии.

В больших городах неграмотность среди девушек достигает семнадцати процентов, а среди юношей – шесть процентов. В провинциях всегда не хватало школ и учителей. Буддийские монахи старались компенсировать эту нехватку, создавая собственную систему образования – но только для мальчиков. Девочкам запрещено учиться в религиозных школах. В результате уровень неграмотности среди женщин здесь еще выше. Девочки вроде меня часто покидают родительский дом необразованными, не имеющими никаких профессиональных навыков и никакой возможности заработать себе на жизнь, кроме одной – продажи наших юных и аппетитных тел. Недолговечная невинность продается первому, кто пожелает ее купить.

По данным за 2003 год, количество тайландских школьников, бросивших учебу между шестым и двенадцатым классами, составило пятьдесят два процента. В провинциях таких подростков свыше восьмидесяти процентов. Бывшие школьники шли работать или сидели дома, потому что их родители не могли себе позволить расходы на обучение, покупку школьной формы, оплату учительских субсидий и транспорта. Девочки работали на полях или вкалывали на «потогонных» производствах⁵. Мальчики трудились в поле, выращивая рис, тайский картофель и сахарный тростник, или пасли буйволов.

Еще один вариант выбора для молодых девушек – поехать в Бангкок и работать у своей старшей сестры в качестве няни ее детей и горничной. Они также нанимаются на *нелегальные* фабрики. До недавнего времени предприятия, контролируемые правительством, не могли брать на работу служащих без гражданского удостоверения личности, которое молодые люди получают в 15 лет. Но многие компании все равно нанимали несовершеннолетних, чтобы платить им зарплату, намного ниже рыночной.

Легальный возраст для работы на производстве с тех пор был повышен до восемнадцати лет. Хотя этот закон вроде бы направлен на защиту прав юных и необразованных, в итоге он ограничивает перспективы молодой девушки незаконными вариантами. Бизнес-истеблишмент на этом выигрывает, поскольку бесправная молодежь соглашается с нелегальными и ужасными условиями труда, просто чтобы получить любую работу.

Есть и другие способы заработка. Одна из часто выбираемых дорог приводит в бордель, где молодые женщины продают себя местным мужчинам. Другой путь ведет в Бангкок, Паттайю, на Пхукет, в Кох Самуи и другие подобные места – там девушки знакомятся и

⁵ Центральное финансово-контрольное управление США характеризует их как «производства, регулярно срывающие выплату заработной платы, нарушающие положение об охране здоровья работающих несовершеннолетних и/или правила техники безопасности»; отличаются низкой заработной платой и большой трудоемкостью.

спят с секс-туристами. Это был путь, которым пошла я, – непреднамеренно, когда мне было *всего тринадцать*.

В это время молодая девушка, едва вступившая в подростковый период, только начинает пользоваться губной помадой и ходить в кино с подружками. Когда передвижной кинотеатр приезжает в деревню, о его прибытии оповещают по громкоговорителю. Кино крутят на футбольном поле; вместо экрана натягивают гигантское тканевое полотнище, и молодежь приносит с собой подушки для сидения, набитые соломой. Нередко именно здесь девушки и юноши знакомятся друг с другом и довольно часто потом женятся, потому что девушки беременеют. Эти юные деревенские жители очень наивны и ничего не знают о контрацепции. Если девушке повезет не забеременеть, но кто-то заметит уединившуюся парочку (неважно, занимались они сексом или нет), родители девушки обычно требуют от семейства юноши выкуп за невесту – от двадцати до тридцати тысяч батов. Если парень хочет и дальше встречаться с этой девушкой, то должен подчиниться. Впоследствии может быть заключен брак, но это не обязательно. **Девушки иногда начинают рожать детей уже в раннем подростковом возрасте.**

Когда я училась в начальной школе, государственные школы считались бесплатными до шестого класса, но в реальности дело обстояло иначе. Даже спустя десять лет все осталось неизменным. «Взятки», «чаевые», пожертвования или членские взносы родительских ассоциаций по-прежнему возлагались на родителей, которые хотели обеспечить своим детям места в общественных школах^[3].

У правительственных школ есть и другие способы вымогать деньги у родителей за образование их детей. Это плата за репетиторов; покупка абонементов в школьную столовую (питание оплачивается отдельно); оплата электроэнергии (для покрытия расходов на использование кондиционеров); плата за уборку и уход за территорией школы; вступительный взнос за обучение компьютерной грамоте и – временами – подарки учителю, который позаботится о том, чтобы ученик перешел в следующий класс независимо от своих оценок... И это далеко не полный перечень^[4].

Некоторые городские школы устанавливают ежегодный взнос в размере четырех тысяч батов плюс дополнительные расходы – в совокупности эта сумма превышает месячный заработок большинства бедных тайцев^[5]. После шестого класса *нелегальные* поборы возрастают, и образование становится недоступным для миллионов семей, особенно в провинциях. В подконтрольных государству школах, которые не налагают на родителей *нелегальных* финансовых обязательств, расходы на покупку школьной формы, тетрадей, учебников и письменных принадлежностей все равно делают образование детей неподъемной задачей для бедняков. *Я входила в число тех восьмидесяти процентов, которым было отказано в образовании по причине бедности.*

В мае 2004 года выяснилось, что «более половины родителей детей школьного возраста в Большом Бангкоке испытывали трудности с покрытием расходов на следующий учебный год». Они занимали деньги у нелегальных ростовщиков под двадцать процентов в месяц^[6].

Лучше всего эту проблему можно понять на примере Орнумы, матери, которая набралась храбрости и донесла свою историю до общественности. Ее вынудили купить место в провинциальной государственной школе за тридцать тысяч батов. Она потратила все свои сбережения, а недостающую часть заняла. Директор школы отказывался принять меньшую

сумму – и не выдал несчастной матери чек. *Наша конституция 1997 года гарантирует двенадцать лет бесплатного обучения, но ведь закон надо еще привести в исполнение...*

Предубеждение против обучения тех, кому не повезло родиться в обеспеченной семье, – давняя проблема. Правительство намеренно создает условия, при которых этнические меньшинства и дети бедноты не могут получить образование. Так, детям из горного племени хмонг разрешено посещать только одну школу – в результате школа переполнена. Родители этих детей должны получать специальную внутреннюю регистрацию, позволяющую им покидать ограниченные области проживания. Даже если ребенок из этнического меньшинства хорошо учится и свободно говорит по-тайски, не имея официального гражданства, он не может получить сертификат об образовании и продолжить учебу в вузе. Без надлежащих документов у человека нет будущего. **В Таиланде, если ты беден, у тебя нет и прав человека**^[7].

Курс «Права человека» планировалось ввести в школьную программу (от детского сада до колледжа) осенью 2003 года. Противоречие между концепцией прав человека и их отсутствием в моей стране, безусловно, создает проблему для преподавателей. Впрочем, многим из них кажется, что с тех пор, как их лишили права применять розги в классе, учащиеся перестали их уважать^[8].

До недавнего времени еще одной обязательной статьей расходов, связанных с обучением, была стрижка детей в парикмахерских: «боб длиной до подбородка» для девочек и «под горшок» для мальчиков. Это требование было зафиксировано в национальном законодательстве вплоть до мая 2003 года. Эти расходы также создавали проблемы для большинства родителей. Один учитель, например, настаивал, чтобы его ученики-мальчики ежемесячно стриглись в принадлежащей ему парикмахерской, оставляя там по сорок батов в месяц^[9]. Машинки для стрижки волос и ножницы служили также средством наказания. Учитель всегда имел право решить, что длина волос учащегося превышает дозволенную. Он срезал с головы школьника прядь волос, чтобы заставить родителей подстричь ребенка, – распространенная практика на протяжении всей истории «современной образовательной системы» Таиланда. Жестокие руки учителя были причиной унижения и «потери лица». В нашей образовательной системе предмет «права человека» предстоит еще преподавать и преподавать – причем начать следует с учителей.

Печальный и бесспорный факт: «отказ беднякам в образовании поддерживает существование легко эксплуатируемого, необразованного рабочего класса – класса, который изготавливает для богачей электронику, шьет им одежду и собирает для них фрукты». По меньшей мере для двухсот тысяч детей в Таиланде образование недоступно, потому что они не являются гражданами^[10], хотя при этом могут быть урожденными тайцами. Их документы были отвергнуты по чьему-то произволу или просто потеряны. Не имея возможности учиться, дети тайских бедняков обречены жить в бедности. Мне была уготована такая же жизнь, как у моей матери и почти у всех остальных жителей моей деревни – навсегда. *Но я отказалась реализовать безнадежную судьбу, данную мне от рождения.*

Образование моих сестер

Мои сестры, как и большинство тайских детишек, хотели учиться в школе. Я знала, что мне придется позаботиться об их образовании. Окончание девяти классов – это большое достижение для Таиланда. Если человек оканчивает девятый класс, он может получить достойную работу в магазине, работающем с семи до одиннадцати часов, или в дешевом отеле, зарабатывая по пять-семь тысяч батов в месяц с одним выходным в неделю. Это намного лучше, чем вкалывать на стройке или на потогонном производстве, где за опасный и тяжелый труд платят гораздо меньше

и предоставляют всего два выходных дня в месяц. Кроме того, если ребенок получает образование по девятому класс включительно, он осваивает английский язык в объеме начальных навыков чтения и письма, хотя, скорее всего, говорить на нем не сможет.

Должна признать, что моя заинтересованность в клиентах была вызвана не только альтруистической целью дать сестрам образование: целей было намного больше. Заработать деньги в Таиланде – все равно что выгодно жениться, иметь сына или дочь-знаменитость, роскошную машину или, если речь идет о ребенке, хороший мопед или новейшую компьютерную игру. **В Таиланде «человек – это сумма имеющихся у него денег, и ничего больше!»**. Это правило не распространяется разве что на монахов, да и те нередко выкачивают небольшие (или, наоборот, значительные) суммы из своих прихожан. В 2003 году был убит один известный монах на юге Таиланда. При расследовании выяснилось, что у него на одиннадцати банковских счетах, открытых на разные имена, лежало сто девятнадцать миллионов батов, а также имелась недвижимость и целая «конюшня» роскошных машин^[11].

«Тайские ценности» душат образование

«Тайские ценности» закрепляют в тайском народе все тот же «стадный инстинкт», которому следовали наши деды и деды наших дедов. Это одна из многих причин отсутствия финансового и социального прогресса. Наши ценности выросли из конфуцианского учения, в котором подчеркивается роль власти и чиновничества: «Оставайся на своем месте». Люди, которые управляют Азией, увековечивают конфуцианскую философию, делая остальных – нас – бедными и беспомощными.

Необходимость почтительности вытекает из культуры, в которой воспитывается человек, а не из его генов. В Таиланде и во всей Юго-Восточной Азии мы продолжаем поклоняться устоявшимся социальным, политическим и экономическим традициям. Почитанию власти учат в наших школах, на нем настаивает наш премьер-министр Таксин Чиннават – вплоть до требования к иностранцам не критиковать тайское правительство и до преследования СМИ. Чиннават лишней раз доказывает, как правы его критики, утверждающие, что «он стремится сокрушить всех, кто осмелился возразить ему». Наша почтительность способствует созданию и сохранению бедности среди широких народных масс.

Я знакома со многими азиатами, которые внешне не отличаются от меня, но держатся как фаранги. Эти люди выросли в США и Европе. С точки зрения девушки из маленькой азиатской деревушки, все люди, похожие на азиатов, должны вести себя как азиаты; а все фаранги должны верить, мыслить и действовать как фаранги. Мои странствия по миру помогли мне избавиться от этого заблуждения. Люди с азиатскими генами могут вести себя как фаранги, если они выросли на Западе. И напротив, фаранг может уподобиться азиату, глядя на женщин так же презрительно, как это делают тайцы; он не уважает в женщине личность. Это особенно справедливо по отношению к мужчинам-фарангам из числа секс-туристов.

Правящий класс

Правящий класс называют «культурой власти». Власть сосредоточена в руках избранных министров, членов парламента и сенаторов, которые и есть «сильные мира сего». Члены этого сообщества принимают решения, исходя из личной выгоды. За решениями следуют директивы, в которых излагается понимание того, что лучше для тайского общества. Не имеет значения, разделяет ли эти взгляды само общество. Правительство и его чиновники игнорируют чаяния простых людей и используют власть и армию, чтобы заставить замол-

чать несогласных. У богатых и властных есть иммунитет от [судебного и уголовного. – Пер.] преследования. Остальное население лишено гражданских прав – за редким исключением.

Фаранги в США и Европе могут бросить вызов своему правительству и крупному бизнесу в любой момент и по любому поводу; в Азии на подобные дела смотрят косо. Антиправительственные протесты подавляются силой. В Малайзии говорят: «Утка крикнет – пулю получит». А вот японская мудрость: «Гвоздь торчит – под молоток просится». В Таиланде полиция не скрывает своей враждебности к людям, если их желания не совпадают с желаниями правящих кругов, – а по большей части именно так и бывает.

Тайцы не подвергают сомнению политику своего правительства. Мы оказываем элите демонстративное почтение, основанное на страхе. **Азиаты пользуются репутацией людей, которые цепляются за прошлое. Американцев же, напротив, учат думать самостоятельно и «жить дальше».** Иногда это означает бунт против власти.

У жителей Запада и азиатов, эмигрировавших на Запад, есть возможность разбогатеть, которой лишены мы, тайцы, – по крайней мере, законным путем. Наша система увековечивает бедность рабочего класса, вместо того чтобы создавать новых богатых потребителей. Таиланд экспортирует продукты питания, одежду и промышленные товары на Запад; Запад экспортирует нам свои деньги, туристов и технологии.

Я шла к богатству единственным способом, который был мне известен, потому что не принадлежала к тайскому среднему классу или высшему сословию. Представители тайской элиты часто связаны не только родственными узами, но и деловым партнерством. Они совместно трудятся, чтобы сохранить свою власть. В руках немногих избранных накапливаются богатства моей страны, а массы живут в невыразимой нищете – *в той нищете, какая мне знакома от рождения и которую я отвергла, когда мне было всего тринадцать.*

VI. Туризм и секс-туризм

Туризм

Людям нравится посещать Таиланд. Ежегодно к нам приезжает около десяти миллионов гостей. Отели обеспечивают трансфер из аэропортов, чтобы быстро доставить счастливого отдыхающего в комфортабельный номер, снабжают туриста необходимой информацией для проведения незабываемого отпуска в чужом краю.

Моя страна очень дружелюбна, все здесь продумано, чтобы обеспечить гостю безмятежный отдых. Большинство указателей и вывесок написаны по-английски, даже в маленьких городках. Автобусы с кондиционерами ежедневно доставляют туристов к восхитительным историческим достопримечательностям, которые порадуют всякого любознательного гостя. Недавнее новшество в общественном транспорте Бангкока – наземный скоростной поезд, который сделал передвижение по городу и его окрестностям приятным, быстрым и эффективным. Кроме того, начинающему туристу легко путешествовать с путеводителем от Мае Саи на севере до южного Пхукета в Андаманском море, через полуостров до Кох Самуи в Таиландском заливе и по всей материковой части.

Множество туристов устремляется в Таиланд, потому что здесь можно многое себе позволить за небольшие деньги. Авиакомпании конкурируют за потоки туристов, поэтому билеты на международные авиарейсы стоят недорого, как и внутренние перевозки. Например, турист из Калифорнии потратит шестьсот пятьдесят долларов на билет «туда-обратно» до Гавайев, около трехсот долларов за одну ночь в отеле и как минимум еще сто пятьдесят долларов в сутки на еду, транспорт и развлечения. Или он может купить за тысячу долларов билет в Таиланд и заплатить сорок-восемьдесят долларов в сутки за номер в отеле аналогичного класса. Еще полсотни долларов он потратит на все, что на Гавайях стоило бы в три раза дороже, ВКЛЮЧАЯ услуги красивой молодой девушки вроде меня!

Американскому туристу нет причин ехать куда-то еще. Многие путешественники-азиаты разделяют это мнение. Они приезжают из Японии, Кореи, Гонконга, Сингапура и Тайваня. У них так же много денег, как у любого фаранга, и они могут прекрасно провести отпуск, не считая каждый потраченный доллар, или иену, или вону.

Секс-туризм

Три наиболее популярных тайских туристических информационных журнала – *Look*, *Touristways*, и *Thailand* – можно БЕСПЛАТНО получить абсолютно везде: в отелях, туристических агентствах, ресторанах, газетных киосках, торговых центрах, кинотеатрах и магазинах. Эти «подарки» невозможно не заметить. На обложке всегда изображены красоты моей страны: традиционный тайский букет с лотосом; праздник Лойкратхонг⁶; впечатляющий и поразительный храм Рассвета; золотые воинственные боги Ват Пхо (храм Лежащего Будды); прогулка на слонах в Чиангмае или другая экзотическая достопримечательность, которая заставляет туриста осознать, что он выбрал идеальное место для отдыха.

Первые десять страниц пестрят рекламными объявлениями частных портных, предлагающих свои услуги по невероятно низким ценам. Средний раздел журнала состоит из двадцати одной страницы: на шестнадцати из них приводятся краткие описания известных достопримечательностей, а также путеводитель по отелям, номера телефонов авиалиний и посольств, карта Таиланда и реклама двадцати пяти массажных салонов, в которых оказывают секс-услуги: «*Массажный салон «Кошечки» и эскорт-услуги*», «*Массажный салон*

⁶ Праздник Лойкратхонг – «лой» означает «плавать», а «кратхонг» – крохотный плотик, традиционно изготавливаемый из банановых листьев и украшенный цветами, зажженными свечами и ароматизированными палочками.

«Секси-Куколка» и эскорт-услуги», «Особенные горячие штучки» и «Модели номер 1» и прочие объявления в том же духе. Еще четыре страницы в этом разделе отданы под рекламу эскорт-услуг. Остальная часть мини-путеводителя заполнена глянцевыми цветными объявлениями о массажных и эскорт-услугах с фотографиями красивых девушек, щедро обнажающих ложбинку или принимающих откровенные и пикантные позы.

Некоторые рекламодатели не считают нужным скрывать истинное назначение своих услуг: «У нас работают самые сексуальные девушки в городе, которые способны подарить вам сладчайшее удовольствие в вашей жизни», «Массаж всем телом», «Особое мастурб-шоу», «Специализируемся на фетишах и фантазиях», «Горячие большие мужчины», «Леди-сабмиссивы и лесбиянки», «Весь персонал проходит еженедельную медицинскую проверку». Половина путеводителя по туристическим достопримечательностям Таиланда посвящена продажному сексу.

Около пятидесяти процентов дохода журнала *Look* приходится на рекламу фирм, специализирующихся на секс-торговле. В *Thailand* подобная реклама занимает примерно треть объема плюс разбросанные по разным рубрикам небольшие объявления. Главный секрет Таиланда (впрочем, не слишком усердно скрываемый) предстает здесь во всей красе, и всех желающих приглашают принять участие в празднике жизни. **Торговля сексом – один из главных источников дохода от иностранцев в Таиланде!**

В отличие от Гавайев, важнейший местный товар – это красивые девушки, которые будут развлекать туриста ночь напролет за сумму, которую в США придется выложить за средний ужин. Молодые и привлекательные проститутки на Гавайях обойдутся туристу в четыреста долларов за ночь. Вот почему туристы – как фаранги, так и азиаты – предпочитают Таиланд, где красивая молодая женщина запросит с любителя удовольствий всего двадцать пять долларов, или тысячу батов.

Туристическое управление Таиланда (ТУТ) изображает туристов как любителей наших красивых пляжей и ценителей экзотических храмов. На деле многие наши пляжи отличаются от девственной красоты побережья 30-летней давности. Обычно, чтобы отыскать приличный пляж, отправляются на юг Таиланда, подальше от популярной туристической области Паттайи. Но лишь небольшая часть туристов приезжает в Паттайю из-за пляжей. Немногие гости также посещают Таиланд ради наших многочисленных храмов. Спросите большинство мужчин-туристов, что первое им приходит на ум, когда они думают о Таиланде; обычный ответ: «Доступные молодые женщины». Поэтому основная масса туристов в Таиланде – мужчины.

Сексуальная доступность женщин всегда была частью тайской культуры. Тайские и бирманские правители на протяжении веков обменивались девушками в качестве подарков. Женщинам отводилась роль домохозяйки, кухарки и няни детей; они воспринимались как собственность. Это лишь один из многих трагических примеров эксплуатации в нашем обществе.

Переход от обслуживания мужчин-тайцев к обслуживанию иностранцев произошел в шестидесятые годы прошлого века, когда в Паттайя-Бич прибыли на отдых и лечение американские солдаты, воевавшие во Вьетнаме. Прежний образ Паттайи, некогда сонной рыбацкой деревушки, быстро преобразился, снискав сомнительную известность благодаря красивым женщинам, готовым обеспечить сексуальные утехы за мизерную плату. Обслуживание американцев превратилось в доходный промысел.

Да, туристы продолжали бы посещать Таиланд, даже не будь там молодых доступных женщин. Но без тех мужчин, которые стекаются в Таиланд именно ради них, аэропорты, отели, магазины, рестораны и бары не получали бы достаточно прибыли, чтобы их бизнес оставался на плаву. Искоренение проституции нанесло бы туристической экономике Таиланда сокрушительный удар, поразив ее в «самое сердце». *Еще одна весьма неприглядная*

истина состоит в том, что молодые женщины вроде меня благодарны за возможность зарабатывать деньги, не калеча себя на потогонном производстве, даже если им приходится обслуживать прихоти мужчин.

Многие из нас – предприниматели и независимые подрядчики и этим отличаются от девушек, работающих в борделях. Мы сами устанавливаем цену и сами получаем прибыль. Нам не требуется помощь профсоюза. Девушки, приезжающие в Бангкок и Паттайю ради знакомства с туристами, вытесняют посредников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

- 1.**
Тринк Бернанд, Bangkok Post.
- 2.**
Thai.sex.net
- 3.**
Bangkok Post 05/13/03
- 4.**
The Nation 05/15/04
- 5.**
Bangkok Post 05/14–05/19/03
- 6.**
The Nation 05/10/04
- 7.**
Bangkok Post 07/01/03
- 8.**
Bangkok Post 07/29/03
- 9.**
Bangkok Post 05/12/03
- 10.**
Bangkok Post 06/23/03
- 11.**
Bangkok Post 06/29/03